

САРАНЧОВ Е. ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

1873 года

Записки очевидца сапера

Е. Саранчова.

Из Инженерного журнала

(Записки очевидца сапера).

ВВЕДЕНИЕ.

Более 2 3/4 столетия продолжается наше знакомство с Хивою; в течение всего этого времени коварная соседка, пользуясь своею недоступностью, старалась всячески вредить нам. Много русской крови, только в настоящем году отмщенной, пролито на хивинской почве и в битвах наших храбрецов, делавших самовольные набеги на Хиву, и при вероломном истреблении 3 1/2 тысячного отряда, посланного правительством, который, преодолев неимоверные трудности, достигнул наконец пределов ханства, разбил более чем в 6 раз превосходящего в силах неприятеля, и не смотря на это, вследствие коварной измены, был поголовно истреблен. Таковы были набеги яицких казаков, в начале XVII столетия, под начальством Нечая и Шемая, так окончилась экспедиция князя Бековича-Черкасского, предпринятая по воле Императора Петра I.

Помимо желания отомстить варварам за их вероломный поступок, было еще обстоятельство, заставлявшее каждого русского желать нового похода на Хиву, — это захваты русских в степи и на Каспийском море, и содержание их в тяжкой неволе. Однако, политические [2] обстоятельства постоянно отодвигали хивинский вопрос на задний план, и только спустя 122 года после первого похода была снаряжена новая экспедиция графа Перовского, в 1839 году; но и она, как известно, окончилась неудачно.

В первой экспедиции горсть людей, в 3 1/2 тысячи человек, плохо снабженная продовольствием, которое везется на 200 верблюдах и 300 арбах ¹, выступив в самое жаркое время, после почти невероятных трудов и лишений похода по раскаленной пустыне, входит в неприятельскую страну, разбивает ее войска и победоносно движется к столице ханства, затем, только вследствие непростительной доверчивости главного начальника, князя Бековича-Черкасского, наш отряд, для удобства продовольствия, разделяется на пять частей, которые тотчас же изменнически были истреблены хивинцами.

В другой экспедиции, казалось, все было предусмотрено, взвешено и рассчитано; численность отряда (4 1/2 тыс. чел.) хотя и немногим превышала первый, но число выючных животных с скромной цифры 200, бывших при отряде Бековича-Черкасского, доходит до 10.400 верблюдов, нагруженных продовольствием, фуражем, противуцинготными средствами и спиртом. И несмотря на все это, отряд испытал полную неудачу: пройдя едва половину пути, он возвратился обратно, не встретив неприятеля и потеряв более 1/3 состава больными и умершими. Причинами подобного исхода экспедиции были: а) неудачный выбор времени года для похода: отряд

выступил с места 15-го ноября, вследствие чего в степи был [3] застигнут страшными холодами, доходившими до -32° , не имея топлива чтобы согреться; б) неопытность людей, окружавших графа Перовского и слабость его к некоторым из своих приближенных, давшая возможность 2—3 лицам руководить составлением плана экспедиции и устранившая людей более опытных; в) желание во что бы то ни стало соблюсти стройность и правильность движения, вопреки обстановке, требовавшей возможно большей свободы, и наконец г) через-чур рабское соблюдение уставных правил аванпостной службы, державшее по целым суткам 1/4 отряда в полном вооружении там, где опасности вовсе не было, что крайне изнуряло и без того обезсиленные войска. Экспедиция гр. Перовского не была все-таки совершенно бесплодна: по окончании ее Хивинский хан смирился и прислал 418 русских пленных, но тем не менее Хива не переставала относиться к нам враждебно. С 1847 года, когда вместе в устройством укреплений внутри степи было заложено в устье Сыр-Дарьи Раимское (впоследствии переименованное в Аральское) укрепление, снова начинаются наши столкновения с Хивой. В августе 1847 года скопище хивинцев до 2.000 чел., переправясь через Сыр-Дарью, напало на наших киргизов и разграбило более тысячи семейств. В 1848 году эти набеги возобновились, причем небольшие шайки всадников появлялись даже вблизи Аральского укрепления.

Начавшиеся вскоре междоусобия в Хивинском ханстве, а потом наша война с Бухарой и Коканом, доставлявшая вначале торговые выгоды Хиве, заставили ее относиться к нам сдержанно, но с 1867 года в ней снова обнаружилось враждебное настроение к России. Соприкасаясь с нашими владениями на юге, она начинала собирать с русских подданных кочевников киргиз зякет и побуждать их к принятию подданства хану и перекочевке в хивинские пределы под угрозой страшной мести в случае неповиновения. восстание киргизов в 1869—71 годах [4] происходило при деятельном участии Хивинского хана, рассылавшего своих агентов по степи с воззваниями о неповиновении русскому правительству; им даже посланы были, в 1869 году, вооруженная шайка на Барсуки. Вообще плоская возвышенность Усть-Урт служила привольною дорогой, по которой небольшие шайки хивинцев, вторгаясь в наши пределы, прорывались на орско-казалинский тракт, разоряли почтовые станции, грабили проходящие караваны, угоняли лошадей, убивали путешественников и одно время прервали даже всякое сообщение по тракту. На все представления Туркестанского генерал-губернатора о возвращении русских пленных, о прекращении грабежей, о заключении взаимного торгового договора и о выдаче бежавших в Хиву мятежников ², Хивинский хан отвечал крайне дерзкими и неприличными письмами...

Все это переполнило меру терпения русского правительства, и вот, по воле царственного потомка Великого Преобразователя, впервые обратившего внимание на ханство, с севера, востока и запада двинулись отряды на Хиву. Не величина их, в действительности ничтожная по сравнению с сотнями тысяч жителей ханства, была гарантией успеха. Бодрость, неутомимость и энергия, неразлучные спутники русского солдата, служили главным ручательством того, что они перенесут всевозможные трудности и лишения. И солдаты, действительно, показали себя достойными потомками тех "чудо-богатырей", которые, пройдя полтора столетия тому назад степи, погибли в той же самой стране, к которой направлялись войска теперь отмстить за мученическую смерть своих предков! Страшная жара [5] и крайний недостаток воды заставили один из отрядов вернуться; другие были счастливее. Но зато скольких гигантских усилий стоило им достижение неприятельских пределов!

Войскам, двинувшимся из разных концов, сначала приходилось быть в различной обстановке: в то время как одни вступали в степь при страшных буранах и 25° мороза, другие шли под непрерывным дождем и ветром... Но это продолжалось не долго; холод и дожди были только предвестниками страшного зноя; все войска, участвовавшие в походе, в течение почти полутора месяца томились в раскаленной и безводной степи, при температуре, доходившей до +50° по Р. Эти войска, вполне достигнув цели на зло всем преградам, представляемым ужасною природой, вызвали удивление всей Европы и заставили самых неукротимых врагов России воздать им должное и поставить совершенный ими поход на ряду с походами Аннабала и Наполеона. Результат этого похода известен: гром хивинских пушек, салютовавших в столице ханства в день 201-ой годовщины рождения Великого Императора, возвестил всему миру, что гордый средне-азиатский властитель признал себя слугою Русского Царя. Давнишнее желание русских было исполнено, то что не удалось выполнить Петру Первому, было вполне достигнуто Александром Вторым.

Настоящий труд представляет слабую попытку описать действия отрядов, овладевших ханством. Автор находился в качестве саперного офицера при оренбургском экспедиционном отряде, описанием действий которого он преимущественно и займется; с целью же дать по возможности ясное понятие о ходе военных действий вообще, он будет касаться, на сколько это ему известно, и действий других отрядов. Собранные автором сведения о жителях, характере крепостных построек в ханстве, а также устройстве и расположении жилищ, сгруппированы в конце первой главы. [6]

К сожалению эти сведения далеко неполны; автор приводит здесь все, что успел заметить во время двухнедельного прохождения войсками оренбургско-кавказского отряда с севера на юг всего ханства. Это движение, как известно, было произведено в постоянной борьбе с неприятелем, при обстановке не особенно благоприятной для наблюдений с научною целью. Занятие столицы ханства, прекратив военные действия, также не дало возможности писавшему эти строки пополнить свои наблюдения; рана, полученная им при усиленной рекогносцировке Хивы, заставила его, вскоре по взятии столицы ханства, возвратиться обратно в Россию. Пособием при составлении статьи, помимо собственных наблюдений, служили рассказы очевидцев, корреспонденции, помещаемые в журналах и газетах, официальные донесения и статьи о походе, появлявшиеся в периодических изданиях. [7]

ГЛАВА I.

Общий характер Арало-Каспийской впадины и доступы по ней к Хиве. — Географическое положение Хивинского ханства. — Его обитатели; войско; приблизительное число войск, выставленное ханом против наших отрядов в настоящую экспедицию; состав этих войск и их вооружение. — Характер арыков и их важное значение в тактическом отношении. — Обзор крепостных оград Хивинского ханства; описание профили трех типичных укреплений: двух, встреченных около мыса Урги, и стены, окружающей столицу. — Принятый в Хиве способ постройки крепостных стен. — Сравнение укреплений хивинцев с обще-европейскими. — Поспешные укрепления, устроенные хивинцами в последнюю экспедицию: укрепленный лагерь близ начала протока Карабайли и около Ходжейли. — Общий характер и устройство жилищ зажиточного класса и простого народа. — Мечети и медресе, как наиболее выдающиеся постройки.

Хивинское ханство занимает почти центральное положение в *Арало-Каспийской* впадине, черт. I, ограниченной рекою *Уралом*, верховьями *Иртыша* с притоками и горными хребтами *Алатавским*, *Тьян-Шанским*, *Болорским*, *Гинду-Кушем* и *Паропомизским*. Общий характер этой местности степной; встречающиеся по окраинам горы не высоки; только в юго-восточной части, близ *Самарканды*, в юго-

востоку и северо-западу от него, горы эти, составляя продолжение *Тьян-Шана*, отличаются высотой, которая на меридиане города *Ходжента* достигает до 20.000 фут. Здесь находятся перевалы, покрытые вечными снегами и обширными ледниками, между которыми замечателен находящийся близ Джизака знаменитый Джеланутинский перевал, соединяющий долину среднего *Зер-Авиана* (Бухару) с *Коканом* и *Ташкентом*. Отсюда цепь гор продолжается к северо-западу, где получает название *Нуратын-Тау*. Северо-западная оконечность ее переходит в гряды небольших холмов, тянущихся без видимой определенной связи до *Буканских гор*, находящихся у юго-западной оконечности песков *Кизил-Кум*. Наконец, несколько западнее этих гор, и вероятно их [8] продолжение, тянется вдоль правого берега нижнего течения Аму-Дарьи в хивинских пределах небольшой хребет *Шейх Джели*. На запад, между Каспийским и Аральским морями, лежит обширная плоская возвышенность *Усть-Урт*, с 500 — 600 фут. высоты, спускающаяся к обоим морям страшно крутыми обрывами и уступами.

На север находятся разветвления Уральского хребта, отделяющие бассейны рек Урала и Эмбы от Тобола и Иргиза; суживаясь к югу, они, под именем *Мугоджарских* гор, оканчиваются недалеко от северо-западного края Аральского моря. Затем упомяну о невысокой полосе гор, служащих водоразделом бассейнов рек Ишима и Тургая, известных под именем *Улу-тау*, а также и об идущем с юго-востока, вдоль правого берега Сыр-Дарьи, к укреплению Джулек, хребет *Кара-тау*, не превышающем 5 — 6.000 фут.

Почва всей этой впадины ³, составляя дно когда то высохшего моря, на всем пространстве песчано-глинистая или солончаковая, и вследствие недостатка дождей и чрезмерных летних жаров сухая, трудно доступная земледелию. Места, удобные для оседлости, представляются здесь оазисами, разделяемыми на громадные пространства песчаными пустынями или солончаками. Негостеприимность и неприютность этой страны еще более усиливаются резкими контрастами температуры по временам года; при летней жаре, достигающей +52°, зимний холод доходит до — 38°; в то время, когда средняя летняя температура ее одинакова с температурой Ниццы, Константинополя и Лиссабона, средняя температура зимы только на один градус меньше той же температуры Новой Земли. Этими качествами особенно отличается часть степи, лежащая к северу от Сыр-Дарьи и Усть-Урта, где зима делается [9] еще ужаснее, вследствие частых буранов. И люди, и животные, застигнутые последними, зачастую погибают в нескольких десятках саженей от жилья.

Посреди этих печальных пустынь лежит хивинский оазис, составлявший как бы обетованную землю для наших отрядов, достигавших его с разных концов. Не вдаваясь в подробное описание всех путей, по которым направлялись войска, я ограничусь пока указанием на главнейшие из них, представлявшиеся для выбора нашим отрядам. Оренбургский отряд мог наступать или по дороге Бековича-Черкасского, или же графа Перовского; известно, что отряд был двинут по последней, как более удобной. Эта дорога идет от Оренбурга на укрепление *Ак-Тюбе*, *Эмбенский пост*, вступает в Эмбенские степи, проходит через речку *Аты-Джаксы*, мимо построенного Перовским Чушкакульского укрепления, далее идет через *Чеган* и поднимается на *Усть-Урт*, близ урочища *Арыс-Бурте*. Затем, от урочища *Каратамак* она направляется вдоль западного берега Аральского моря на *Касарму* и мыс *Ургу*. Если следовать по западному берегу бывшего Айбугирского залива, на *Куня-Ургенч* и далее на Хиву, то дорога будет иметь протяжение в 1 350 верст, если же, не доходя перехода до Урги, спуститься с Чинка и

идти по дну совершенно высохшего Айбугирского залива прямо на Кунград, то это расстояние сократится верст на полтораста.

Путь Бековича-Черкасского представляется самым древним из всех известных русским путей и прежде был единственною дорогой для сношений русских с среднею Азией и Индией. От станции *Сарайчиковской* он направляется на низовья *Сагиза* и *Нижнюю Эмбу*, поднимается у мыса *Мын-су-алмаза* на *Усть-Урт* и идет по нем диагонально до урочища *Куш-булак* и далее на *Хиву*. Он крайне неудобен по безводию и обилию грязей в низовьях *Сагиза*; кроме того верст на сто длиннее предъидущего. [10]

Рассматривая пути кавказских войск, мы должны описать их от трех исходных пунктов: фортов *Чекишлярского*, *Красноводского* и *Александровского*. От Чекишляра имеются два пути на *Хиву*. Первый, по которому и двинулись наша войска, идет на *Гаммяджик*, *Шаирды* к *Бюураджи*; отсюда, на протяжении 150 верст, тянется вдоль старого русла *Аму-Дарьи* до *Игды*. Далее до *Хивы*, на расстоянии 380 верст, он не был исследован, что и обусловило неудачу движения по нем *Красноводского* отряда. От *Игды* он идет на *Куртыш*, *Ортакую*, *Дудур*, к *Измыхишу* и *Хиве*. Расстояние от Чекишляра до *Хивы*, приблизительно, считается по нем в 780 верст. Другой путь направляется по долине рек *Атрека* и притока его *Сумбари*, на бывшее укрепление *Кызыл-Арват*, колодезь *Динар*, *Кызыл-Такыр*, и соединяется с первым у Колодца *Игды*; длина его до 800 верст.

От *Красноводска* можно также двумя путями попасть в *Хивинское ханство*. Первый, описанный *Муравьевым*, был исследован в 1871 году отрядом полковника *Маркозова* до урочища *Сары-Камыша*, принадлежащего *Хиве* и находящегося вблизи заселенных мест. Не отличаясь большими удобствами, путь этот, длиною около 730 верст, все-таки дает возможность двигаться вполне успешно небольшими эшелонами, что и доказала последняя рекогносцировка.

Другой путь ведет на чекишлярскую дорогу, через колодцы *Белек*, *Кош-Агырлы*, к колодцу *Бюураджи* и далее на *Игды*.

Из форта *Александровского* идет караванная дорога на колодцы *Кагыл*, *Сенек*, *Биш-Акты*, *Бусага*, *Кыныр*, *Ильтеидже*, *Байлир*, на *Куня-Ургенч* и *Ташаус* к *Хиве*, протяжением около 850 верст. На нее же ведет путь из *Киндерлинского залива* на колодезь *Думбай*, *Чулак-Таш*, *Черкегле*, к *Ильтеидже*, расстоянием 640 верст. [11]

Остается рассмотреть пути со стороны *Туркестанского округа*, от двух главных пунктов сбора войск — *Джизака* и *Казалинска*. От первого города дорога направляется по отрогам *Нуратынских гор* до урочища *Темир-Кобук*, где она вступает в пески *Кызыл-Кумы*; идя по ним, она проходит колодцы *Балта-Салдыр*, *Утар*, *Тамды* и *Мын-Булак*, находящийся в *Буканских горах*. Эта часть пути была исследована последними рекогносцировками, дальнейшее же направление его известно только по расспросам и приблизительно определяется в 148 верст от последнего урочища до переправы на *Аму* около *Шурахана*. Весь же путь считается приблизительно в 710 верст. Во время самого движения, *джизакская колонна*, двигавшаяся по этому пути, свернула с него, не доходя урочища *Тамды*, и направилась на *Аристан-Бель-Кудук*, урочище *Хал-Ата* и *Учь-Учак*.

Путь от *Казалинска* ведет через колодцы *Джаман-Чеганак* к *Иркибаю*, затем вдоль *Яны-Дарьи* к озеру *Кукча-Тенгиз*, далее на юго-запад к урочищу *Дау-Кара* и от него через *Кипчак* к *Хиве*. Эта дорога имеет около 730 верст длины. От озера *Кукча-*

Тенгиз можно идти и другою дорогой на Мын-Булак и далее на переправу через Аму, близ Шурахана. Казалинский отряд, как известно, от Иркибая свернул на урочище *Тамды*, с тем чтобы идя на *Аристан-Бел-Кудук* и на *Хал-Ата*, соединиться с джизакским отрядом.

На казалинскую дорогу выходит путь от форта Перовский, идущий от него, вдоль *Яны-Дарьи*, на *Иркибай*.

Описав пути, ведущие к Хиве, скажу несколько слов о самом ханстве. Оно имеет овально-продолговатую, форму, около 350 верст в длину и до 100 в ширину. Самая населенная часть есть южная, лежащая по системе каналов Полван-ата, Казавата и Шах-Абата. Часть же ханства между Кунградом и Ходжейли большею частью покрыта камышем и кустарником. Вообще, не все [12] Хивинское ханство одинаково плодородно; места, богатые растительностью, в нем часто разделяются песками и солончаками, годными только для кочевков. Обитатели ханства, числом до 300.000 челов., разделяются на оседлых и кочевых. К первым принадлежат узбеки, сарты и персияне; ко вторым — киргизы, каракалпаки и туркмены; последние составляли в настоящую экспедицию главный контингент войск хана, а потому я постараюсь очертить их характер. Встречающиеся в Хивинском ханстве туркмены кочуют на западных и южных окраинах его, а также в степных полосах между ирригационными каналами, и принадлежат преимущественно к кочевому племени иомудов. Дитя раздольной и широкой степи, туркмен не имеет понятия о тех выгодах, которые можно извлечь из закрытой и пересеченной местности, и крепостных оград. Сражаясь на ровном месте, туркмены почти избегали встречи с нашими войсками за арыками и в кустарниках, и вовсе не защищали городов, окруженных стенами, или же оказывали при защите их самое ничтожное сопротивление. Превосходство нашего огнестрельного оружия, недостаток стойкости и единства действий у туркмен, были причиной того, что они легко были разбиваемы нашими войсками на всех пунктах; но справедливость заставляет отдать должное храбрости, настойчивости и энергии туркмен, а также их умению обращаться с холодным оружием и лошадьёю, в чем они не уступают нашим казакам. Последнее замечание не покажется странным, если припомнить, что туркмены с детства приучаются к управлению конем, и что большую часть жизни они проводят в грабежах и набегах.

Описывая боевые столкновения в неприятельской стране, необходимо выяснить число войск, выставленное ею против нас. В Европе этот вопрос, обыкновенно более или менее гадательный при начале войны, по [13] окончании ее является вполне определенным; совсем другое дело в средней Азии, где совершенно невозможно найти правильной отчетности по этому предмету; здесь или вовсе не имеется официальных документов, или если они и есть, то на бумаге одно, а на деле другое; полагаться же на расспросные сведения в свою очередь невозможно, так как они всегда разноречивы. В доказательство последнего приведу пример из последней экспедиции. Известно, что под Гурленем наши войска встретили самую сильную массу неприятеля, приблизительно определенную нами в 10.000; во всяком случае это было minimum; пойманные в этот день пленные показывали, что войск было 40.000; когда же, по взятии Хивы, спрашивали об этом приближенных хана, то они показывали, что число войск, собранных у Гурленя, не превышало 7.000 чел.

Приняв в соображение, что число хивинских войск, встреченное оренбургско-кавказским отрядом под Гурленем, в реляции уменьшено, можно приблизительно определить хивинскую армию, выставленную против войск обоих отрядов ⁴, в 15 —

20.000 чел., включая сюда и пехоту, которая, входя в состав армии, до самой Хивы нам не показывалась. Хотя известный писатель о средней Азии, Вамбери, говоря о войсках Хивинского хана, выражается так, что можно заключить, будто бы в Хиве имеется постоянная армия⁵, но все опрошенные мною о том хивинцы, и особенно заявление явившегося к нам хана Галия Ярусланова, отрицают это. В 1850 году действительно в Хиве было заведено, по примеру Бухары, регулярное войско численностью до 1.000 чел. пехоты, но число их к настоящему времени уменьшилось до сотни сарбазов, главная обязанность которых состоит в охране особы хана. К числу постоянного войска нужно причислить также несколько [14] десятков артиллеристов из афганцев и индусов, которым было придано до 40 медных гладкоствольных пушек, по калибру большею частью подходящих к нашим прежним 6-ти и 12-ти фунтов. полевым орудиям. Между орудиями находились и фальконеты, помещаемые на деревянные лафеты, обыкновенно по три на каждом. Впрочем, в случае надобности, хан очень скоро может набрать иррегулярную кавалерию — нукеров, что и было выполнено в настоящую экспедицию, так как выставленные против нас войска были набраны только перед нашим вступлением в страну.

Кавалерия состояла преимущественно из туркмен, но в состав ее входили также узбеки и каракалпаки. Пехота была организована из представителей почти всех народностей ханства; помощники хана заставляли идти в нее всякого, кто только попадался под руку.

В силу того, что в Хиве нет регулярной армии, действовавшие против нас войска не имели особой формы одежды; они носили наряд, общий всем жителям ханства и состоящий из высокой конусообразной шапки, одного, чаще двух халатов, кожаных брюк (чамбары) и неуклюжих сапог. С точки зрения европейца, этот наряд не особенно удобен для верховой езды; но не смотря на это, туркмены лихо скачут на своих степных аргамаках. Вооружение войска плохо, особенно в пехоте, у которой ружье встречается как исключение, преобладающее же оружие — топоры на довольно длинных рукоятках. Кавалерия, сравнительно с пехотой, вооружена лучше; каждый всадник имеет ружье, кривую персидскую саблю и висящий на ремennom поясе нож. Снимаемые с убитых всадников ружья были гладкоствольные, преимущественно капсюльные двухстволки тульской фабрикации; между одностволками встречались кремневые и даже фитильные ружья. Не могу не упомянуть о курьезном ружье, снятом одним казаком с убитого им [15] туркмена и доставленном полковнику генерального штаба Глуховскому: это ружье было сплошь деревянное, с высверленным в дереве каналом и с железным замковым механизмом. Сомневаюсь, чтобы из него можно было стрелять; надо полагать, что эта редкость висела за плечами всадника единственно для придания ему воинственного вида и внушения должного страха и уважения к храброму воину.... Сабельные клинки плохи, так как большею частью сделаны из железа, но владеют ими туркмены хорошо. Имеющийся за поясом нож при случае служит для отрезывания головы убитого неприятеля; висящие же около ножа ремешки назначены для привязывания их к поясу. Впрочем, если голов наберется много, то туркмен складывает их в мешок и привязывает его к седлу, в торока...

Возможность существования оседлости в Хиве, вопреки песчаной и глинистой почве, обуславливается исключительно течением Аму-Дарьи, воды которой, направленные на соседние местности, сделали этот клочок земли одним из плодороднейших оазисов средней Азии. Так как Аму не принимает в себя притоков, то для орошения устроена искусственная ирригационная система, которая, питаясь самою рекой, покрывает обработанную часть ханства сетью больших и малых каналов. Начало этого разветвления находится близ города Питняка. Хотя, сколько мне случалось наблюдать,

оба берега Аму одинаковой высоты ⁶, но цепь гор Шейх-Джели, находящаяся вблизи правого берега, обуславливает направление главной массы каналов на запад, по левому берегу. Не входя в рассмотрение главнейших из них, число которых доходит до 10 и подробно описывается г. Венюковым, я только замечу, что ширина канала Клыч-Ниаз-Бай не в [16] 10 саж., как приводит он согласно Данилевскому, но доходит до 27 саж. Устроив через этот канал мост, взамен сожженного неприятелем, я очень хорошо помню эту цифру ⁷.

Что касается до естественных разветвлений Аму, то обширная дельта ее, начинаясь близ Ходжейли, тянется почти на протяжении полутора верст, до впадения в Аральское море многочисленными рукавами, большое число которых обуславливает их мелководие. Опыт 1858 г. доказал возможность движения пароходов по двум главным протокам — Талдыку и Улькун-Дарье. В настоящую экспедицию два парохода "Самарканд" и "Перовский", поднявшись по Улькун-Дарье, остановились верстах в 50 от Кунграда, вследствие мелководия, происходящего от запруд, состоящих из четырех плотин, идущих чрез всю реку. Кроме этих плотин, с разрушением которых вероятно явится возможность движения наших пароходов далеко вверх по реке, я упомяну еще о двух, устроенных через протоки Аму: Кият-Джарган и Лаудан; результатом устройства последних, удержавших наплыв воды, стремившейся к Айбугиру, было осушение последнего. Эти две плотины, которые мне удалось лично видеть, я опишу впоследствии; теперь же скажу о влиянии арыков на движение войск внутри страны.

Арыки, изрезывая ханство по всем направлениям, важны не только в хозяйственном, но и в военном (тактическом) отношении. Представляя затруднения для перехода их в брод, они заставляли и войска, и обоз, переправляться по единственному имеющемуся мосту, чрез что движущаяся колонна и обоз должны были растягиваться почти на 10 верст. Г. Венюков, кроме тактического значения [17] арыков, придает им важное стратегическое значение ⁸. Хотя ниже мною будет приведен пример успеха подобной меры, принятой ханом для усмирения туркмен, но я все-таки не могу согласиться с этим мнением почтенного автора. Во всем Хивинском ханстве не наберется 16 городов и селений, могущих оказать серьезное сопротивление нашим войскам; между тем, чтобы заставить их покориться, следуя совету г. Венюкова, нужно устраивать плотины через 10 каналов, достигающих 25 саж. ширины, что потребует целые месяцы и может представить крайнее затруднение относительно снабжения наших войск продовольствием. Притом же, чтобы запрудить воду, нужно все-таки пройти с севера на юг все ханство, покорить города: Кунград, Ходжейли, Кипчак, пожалуй Мангыт, новый Ургенч, Ханки и Питняк. Вероятно г. Венюков предложил бы эту меру только в случае отчаянного и упорного сопротивления жителей. Даже становясь на эту точку зрения, все-таки эта мера ни к чему не поведет: в русле бывших каналов можно накопать столько колодцев, что их достанет на целый год, а наши войска останутся без хлеба, вследствие невозможности добыть его в ханстве и крайне затруднительного сообщения с Россией.

Меры, приличные для слабого хивинского владетеля вовсе не годятся для регулярной армии. С средне-азиатцем, более чем с каким нибудь другим неприятелем, следует действовать быстро, решительно и энергично, чтобы не дать ему придти в себя, поселить к себе страх и внушить полнейшее недоверие к собственным силам обороняющегося. Медленность, излишняя систематичность [18] и нерешительность, изнулив и обезсилив наши войска, только разовьют в неприятеле самоуверенность и из труса сделают храбреца.

Даже, в случае если бы обстоятельства заставили предпринять вторичную экспедицию, причем неприятель, умудренный опытом, лучше пользовался бы местностью для задерживания движения наших войск и оказал бы более серьезное сопротивление при защите городов, то и тогда следовало бы идти прямо, а не действовать окольным путем. Взяв 2 — 3 города с боя, разрушив их до основания в наказание и для примера остальным, можно быть уверенным, что другие сдадутся без сопротивления. После мангытского дела, жители соседних городов за несколько десятков верст присылали депутации с изъявлением покорности, преданности и расположения... Если это так, если устьями каналов воспользоваться нельзя, то и стратегическое их значение само собой падает до нуля.

Совсем другое значение арыки имеют в тактическом отношении. Благодаря им, Хивинское ханство представляет большие удобства для упорной обороны против вторгающегося неприятеля, и в руках сведущего противника могло бы оказать страшное затруднение движению войск вперед. Вся заселенная часть ханства представляет как бы ряд готовых, довольно сильных позиций, находящихся весьма близко одна от другой. Представьте себе земляную насыпь в 3 — 4 фута высотой, с водяным рвом, ширина которого доходитверху до 2 — 3 саж., а глубина воды изменяется от 3 до 7 фут., в зависимости от уровня Аму-Дарьи; присоедините к этому, что берега арыка заросли тополями, кустами джиды и шелковицы, за которыми еще удобнее можно скрываться неприятелю; что по обеим сторонам моста, а также и вдоль арыка, находятся строения, как бы нарочно устроенные для усиления позиций, — и вы будете иметь довольно ясное понятие о той силе обороны, которую могло бы оказать Хивинское ханство! [19] Особенное затруднение представилось бы при взятии отдельных строений, конструкция которых чрезвычайно способствует удобству обороны; но прежде чем описывать устройство этих жилищ, я рассмотрю устройство крепостных оград вообще.

Первое встреченное нами хивинское укрепление было Джан-Кала, построенное верстах в шести от мыса Урги, в русле высохшего Айбугирского залива. Оно имеет вид квадратного редута, стороны которого около 100 саж. длины. Сажень в 10 от него находится канал с пресною водой, в сажень шириною, а между каналом и задним фасом укрепления имеется резервуар воды, представлявший фигуру квадрата с фасадами около 4 саж. длины, черт. II, фиг. 1. Он, как оказалось, служил местом для купанья, и имея 5 — 6 фут. глубины, представлял выразительный пример несообразности азиатцев, вырывших его и не позаботившихся о рве, который был в крайне печальном виде, имея около сажени ширины и 3 — 4 фута глубины; устраивая везде канавки, они даже не позаботились о наполнении рва водою.

Стены укрепления имели 2 1/2 саж. вышины; толщина их, превышавшая внизу 2 саж., вверху доходила до 1 фута. Этот размер имела брустверная стенка, высота которой была около 5 фут.; последняя была вертикальная, но от ее основания стена получала заложение приблизительно в 1/3 высоты.

Не смотря на значительное командование впереди-лежащею местностью, укрепление не имело валганга, а в нем существовал двойной банкет, отлогость которого имела заложение равное высоте, фиг. 2 и 3; вследствие значительного превышения банкета над горизонтом и крутизны его отлогости, всход на него был очень затруднителен по сухой, обратившейся как бы в камень глине, из которой сделаны стены укрепления. Впереди-лежащая местность могла получать с него двойную [20] ружейную оборону: во-первых, из-за зубцов, образовавших бойницы, которых подошва на 3 1/2 — 4 1/2 фута

превышала поверхность банкета, во-вторых, из-за бойниц, устроенных внизу парапетной стенки, отстоящих от поверхности банкета фута на полтора; стрельба из них может производиться не иначе как лежа, и то крайне неудобно. Последние бойницы были устроены попарно, в расстоянии $2\frac{1}{2}$ — 3 фут. одна от другой и в 3 — 4 фут. пара от пары; направление их было косвенное в обе стороны. Рассматриваемое укрепление не предназначалось для стрельбы из артиллерийских орудий; по крайней мере, в имевшихся по углам башнях не было никакой возможности поместить их, так как внутренняя поверхность башень, находящаяся на одном уровне с банкетом, имела не более сажени в диаметре. Из 7 — 8 бойниц, помещавшихся в них, одна или две могли фланкировать ров; остальные обстреливали впереди-лежащую местность.

Посреди фаса, обращенного к арыку, помещались ворота фут. 12 шириною; по бокам их были устроены башни, имеюния тот же характер как и угловые; к этому же фасу примыкали жилые строения, разделенные галереей, идущей от ворот, на две ровные части; часть этой галереи, на протяжении $2\frac{1}{2}$ — 3 саж., имея потолок, представляла закрытое помещение.

Судя по рассказам жителей, это укрепление было выстроено всего 3 года тому назад, в виду предполагаемых столкновений с русскими, и в силу этого может служить мерилom тех данных, на которых остановились *хивинские военные инженеры*, или, по крайней мере, лица, исполняюния их обязанности. Сравнивая лично укрепление это с другими встретившимися мне позже крепостными оградами, помимо возможности доставления двойной обороны местности, я других усовершенствований не заметил.

Верстах в шести от описанного укрепления [21] находится другое, брошенное хивинцами лет десять тому назад; оно тоже имеет вид квадратного редута, но несколько меньше первого: длина фасов его доходит до 60 саж.; высота же бруствера около 2 саж. В нем не имелось башень на углах и около ворот; валганг до 7 фут. шириною; стены значительно толще чем в первом; толщина их внизу, считая с заложением, доходила до 3 саж., фиг. 4 и 5. Высота брустверной стенки в этом укреплении была также меньше, всего в 3 — $3\frac{1}{3}$ фута, для стрельбы из-за зубцов пришлось бы становиться на колени, за то из нижних бойниц можно стрелять лежа гораздо удобнее чем в первом.

Местность, на которой построено это укрепление, покрыта сыпучими песками; один фас его совершенно засыпан; в нем не только не видно рва, но песок, достигнув гребня брустверной стенки, образовал удобо-восходимую отлогость; в двух других фасах песком занесены рвы; только в последнем ров сохранился и имеет около 1 сажени глубины, при верхней ширине его, достигающей 2 саж. Внутренность укрепления была пуста; построек, примыкающих к стене, в нем не было. Вероятно вследствие действия сыпучих песков оно и было оставлено хивинцами, так как другой причины я не мог найти. Превосходя толщиной первое, оно даже и при сопротивлении русским войскам могло все-таки представить больше затруднений чем первое. Если вновь устроенное укрепление отнести к разряду временных построек, то брошенное можно причислить к числу долговременных, конечно с точки зрения хивинцев.

Для большего уяснения характера крепостных оград Хивинского ханства, скажу несколько слов о стенах, окружающих столицу и ее цитадель, составляющих 3-й тип построек этого рода, отличающийся от первых двух большими размерами и хотя кое-каким приспособлением к стрельбе из орудий. [22]

Наружная стена, окружающая Хиву, имеет 20 фут. высоты; ее парапетная стенка, достигающая 6 1/2 фут. высоты, не дает возможности стрелять из-за зубцов, превышающих поверхность валганга на 5 фут. Вообще размеры брустверной стенки, изменявшиеся в различных виденных мной укреплениях от 3 до 9 фут. в высоту, заставляют предполагать, что вся ружейная стрельба сосредоточивается в ниже-лежащих бойницах; зубцы же служат для украшения и, пожалуй, для отличия крепостной стены от стен, окружающих жилища жителей. В этом же меня убедило наблюдение над стрельбою, производившеюся из-за стен столицы ханства против наших войск, во время усиленной рекогносцировки Хивы 28-го мая; здесь я не видел ни одного выстрела, пущенного из-за зубцов, а вся масса огня посылалась в нас из нижних бойниц.

Рассматриваемая нами стена имеет валганг в 7 фут. шириною; отлогость его, при заложении равном высоте, крайне неудобна для всхода; только в некоторых местах, преимущественно возле башен, поделаны в глине ступеньки. Башни носят тот же характер как и в укреплении Джан-Кала, только внутреннее пространство их больше, так что диаметр его доходит до 12 фут.; в месте соединения башни со стеной имеется горжа фут. в 9 шириною, фиг. 6 и 7. Размеры внутренности башен, препятствуя помещению в них орудия для стрельбы по трем направлениям, дают возможность производить фронтальную стрельбу, так как в этом случае является пространство в 19 фут., необходимое для отката. Соответственно превышению оси орудия над точками опоры колес, в башнях, предназначенных для помещения орудия, сделаны отверстия, играющие роль наших амбразур. Насыпей, соответствующих аппаратам, около стены вовсе не имеется; орудие же втаскивается на валганг с величайшими усилиями по ступенькам. Вообще [23] число башен, приспособленных к артиллерийской стрельбе, весьма не велико, да и те имеют по сторонам бойницы. Фланговая оборона рва, вследствие большего размера башен, сильнее чем в Джан-Кала; здесь 3 и даже 4 стрелка с каждой стороны могут обстреливать подошву стены.

Из представляемого плана части крепостной стены, против которой была произведена усиленная рекогносцировка 28-го мая, читатель может усмотреть, фиг. 8, что рассматриваемая нами стена была снабжена достаточным числом башен, расстояние между которыми изменялось от 15 до 25 саж. Такие небольшие интервалы между башнями, мне кажется, можно объяснить желанием строителя извлечь из них двойную пользу: как из построек, лучше обстреливающих впереди-лежащую местность, и как из контрфорсов. В пользу этого мнения говорит и то обстоятельство, что стена укрепления, имея небольшое заложение, и в силу этого требуя для своей устойчивости контрфорсов, не имеет их; другое же предположение, что расстояние между башнями обуславливается дальностью ружейного огня, не выдерживает критики: как ни плохи хивинские ружья, но все-таки дальность выстрела в несколько раз превышает расстояние между башнями.

Замечательно, что ворота, составляющая самую слабую часть крепостной ограды, во всех виденных мной крепостях не имеют впереди себя рва и ничем не защищены от выстрелов с поля. Атакующий, прикрываясь строениями, подойдя на близкое расстояние к крепости и устроив брешь-батарею в расстоянии 100 — 150 саж., легко может разбить ворота и чрез образовавшееся отверстие штурмовать город. Это действительно и было выполнено оренбургско-кавказским отрядом, занявшим ворота, изображенные на плане, фиг. 8. Единственное неудобство этого скорого овладения стеной то, что войдя в [24] сделанную брешь и пройдя крытою галереей сажени три, можно в конце ее встретить еще другия, не разбитые ворота; наши штурмующия войска,

впрочем, не встретили подобного препятствия, так как северные ворота имели только ординарные двери; в южных же воротах, к которым подошли войска туркестанского отряда, двери были двойные.

Стена цитадели, фиг. 9, помещающейся внутри города, имеет наибольшие размеры из всех виденных мною крепостных оград Хивинского ханства; высота ее доходит до 5 саж., толщина же внизу до 8 1/2 саж.; брустверная стенка выше поверхности валганга на 9 фут.; ширина последнего 10 фут.

Что касается остальных крепостных оград, встречаемых в ханстве, то все они подходят к одному из трех описанных типов и преимущественно имеют банкет, а не валганг; средняя высота их изменяется от 2 1/2 до 3 саж., а толщина внизу от 2 до 3 саж.; наружная отлогость стен, не имеющих башень, или имеющих их далеко одну от другой, усиливается контрфорсами, имеющими вид усеченного конуса, в расстоянии 10 — 25 саж. один от другого.

Устраивая стены, для большей устойчивости и прочности предварительно по средине толщины стены врывают столбы из пирамидального тополя, сажень в 10 один от другого; между ними становится стоймя в несколько ярусов кустарник, связываемый перекладинами; потом все это обмазывается глиной толстыми слоями, укладывая их последовательно один на другой, по мере высыхания ниже-лежащего ряда. Ворота крепостей устраиваются из толстых досок одного весьма прочного дерева, называемого *паруан*; доски эти прикрепляются к идущим диагонально связкам толстыми гвоздями, диаметры головок которых доходят до одного дюйма.

Если сравнить только-что рассмотренные нами [25] крепостные ограды, употребляемые в Хиве, с обще-европейскими, то по цели они скорее всего могут быть отнесены в средне-вековым постройкам, употреблявшимся до конца XV столетия, т. е. до появления огнестрельного оружия. В Европе города сплошь обносились стенами с целью оградить себя от дикого произвола рыцарей и феодальных владельцев; в Хиве каждый город, каждое селение, каждый зажиточный земледелец, спасается за стенами от не менее дикого произвола разбойников туркмен.

Что касается до устройства и расположения стен, то они носят общий характер древне и средне-вековых оград, различаясь только вследствие местных условий, заставивших хивинцев вместо камня употреблять глину. Так, в Хиве мы видим то же исключительное предпочтение, даваемое полигональной форме, те же размеры валганга и высоты стен ², то же пренебрежение рвом и слабую защиту ворот, как встречаем и в древних постройках. Единственная существенная разница заключается только в назначении и устройстве башень; у европейцев они имели гораздо большее значение: возвышаясь над стеною от 1/3 до целой высоты ее, отделяясь от нее рвом с подъемным мостом, устроенным на самом валганге, они составляли твердые опорные пункты, останавливавшие прорыв неприятеля чрез стену, так как сообщение валганга с внутренностью укрепления производилось исключительно чрез внутренность башень. Назначение башень в хивинских укреплениях более скромно: они играют роль круглых барбетов, устраиваемых в полевых укреплениях, с целью доставить лучший обстрел впереди-лежащей местности, с тою только разницей, что в них рассчитывается не на артиллерийский, а на ружейный огонь. [26]

Сравнение крепостных построек, имеющих в настоящее время в стране, где сотни лет известно употребление пороха и существует артиллерия, с постройками древних, устраивавшихся тогда, когда о порохе и помину не было, а единственный враг

крепостных стен был таран, не может не показаться странным. Но такова сила всеподавляющей апатии, беззаботности и лени средне-азиатцев, что они и не подумали об изменении форм укреплений, согласно требованиям нового оружия.

Заканчивая обзор фортификационных построек хивинцев, я упомяну о поспешных укреплениях, сооруженных ими за несколько дней до появления наших войск. Это были земляные насыпи, представлявшие вид укрепленных лагерей, где сосредоточивались хивинские войска, с тем чтобы без боя оставлять их при нашем появлении; этого рода укрепления мы встретили в двух местах.

Первый лагерь, фиг. 10 и 11, находился на левом берегу Аму-Дарьи, при начале протока Карабайли; он имел вид квадратного редута, три фаса которого состояли из невысокой насыпи со рвом; четвертая же сторона была обращена к реке. Высота бруствера была около 2 арш., такова же была и глубина рва; ширина последнего доходила до 8 — 9 фут. Внимательно рассматривая левый фас, можно было заметить, что он не прямолинейный, а представляет нечто в роде кремальерной линии с большими и малыми фасадами; последние имели около 2 саж. длины, но были проведены под такими тупыми углами, что с первого взгляда их нельзя было заметить. Даже и теперь я сомневаюсь, не были ли случайными неровностями те, которые показались нам сделанными с известною целью и назначением. При длине каждого фаса около 150 саж., это укрепление могло вместить более 3.000 чел.

Поспешное бегство из него неприятеля, происходя от [27] качества, далеко не похвального с военной точки зрения, с другой стороны показывало хотя позднюю предусмотрительность начальников его. В самом деле, имея только один выход, обращенный в поле, и примыкая к реке, почти отвесный берег которой имел более сажени высоты, укрепление это послужило бы отличною ловушкой для обороняющегося неприятеля, если бы тот вздумал защищать его.

Другой укрепленный лагерь, фиг. 12 и 13, был расположен около Ходжейли, в 4 — 5 верстах от этого города. Он также находился на левом берегу Аму и представлял неправильный пятиугольник, один фас которого был обращен к реке. Длина оборонительной линии его была несколько больше чем в первом. Видно было, что это укрепление не совсем окончено, так как насыпь и ров не везде имели одинаковые размеры. Страннее всего было то, что самую сильную профиль имел фас, обращенный к реке и занимавший почти 1/3 горжи. Профиль последнего была похожа на профиль крепостных стен; фас этот представлялся в виде насыпи фут. в 10 высотой и до 3-4 фут. шириною сверху; брустверной стенки не было; ее, вероятно, не успели сделать. Так как укрепление было сделано из земли, то для поддержания наружной крутости, последняя была одета сырцом. Такие же размеры имела и половина соседнего фаса; ров их был в сажень глубиною и до 2 саж. шириною; в углу, образованном этими фасадами; сделано было основание для башни, но на нем также не было ни зубцов, ни брустверной стенки. Другая половина фаса и все остальные имели вид простой насыпи, по размерам подходящей к насыпи укрепленного лагеря близ Карабайли.

От места изменения временной профили в полевую шла невысокая, полуразвалившаяся насыпь во внутрь укрепления, составляя как бы редюит его. Эта внутренняя насыпь, подходящая по размерам скорее к фасу, [28]обращенному к реке, заставила меня предполагать, что здесь было прежде старое, заброшенное укрепление, ограниченное только этою насыпью. Сознанная хивинцами необходимость иметь укрепление, вмещающее в себя большой отряд, могла заставить их возобновить его, а для

получения большего внутреннего пространства увеличить длину переднего фаса и изменить, соответственно этому, очертание оборонительной линии.

Обращаюсь теперь к устройству жилищ. Вследствие постоянной опасности от нападений туркмен, каждый дом зажиточного владельца в ханстве представляет в миниатюре укрепленный замок. Желание земледельца обезопасить свое имущество, начиная с жен, и до сада и домашних животных, выразилось здесь тем, что весь двор обнесен стеною, высота которой изменяется от 1/3 до 3 саж.; длина же доходит до громадных размеров. Так, стены одного из загородных ханских дворцов, находящегося верстах в 8 от столицы, имели вид прямоугольника, основание которого было более ста саж.; почти такие же размеры имела и стена дворца младшего брата хана, в котором помещался штаб оренбургского отряда, во время стоянки под Хивой, фиг. 14 и 15. Рассматривая устройство стены, видим, что внутренняя часть ее отвесна, наружная же имеет небольшое заложение; внизу стена имеет от 2 1/2 до 4 фут. толщины, вверху же от 1 до 2 фут.; на расстоянии 8 — 10 саж. стена усилена наружными контрфорсами, очень мало выступающими вперед.

План жилищ, обнесенных стеною, вообще напоминает укрепление Джан-Кала; к одной из стен примыкают жилые помещения и постройки для содержания скота, далее начинается черный двор, также обнесенный стеною, а за ним сад; в последнем имеется один, два, иногда даже три пруда.

Во двор можно въехать в единственные имеющиеся [29] ворота, устраиваемые посредине стены; войдя в ворота, нужно еще пройти по довольно длинному корридору, ведущему чрез жилые помещения во двор. В боковых стенах, иногда же и около ворот, имеются калитки; большею частью их порог превышает горизонт аршина на два, так что к нему ведут ступеньки.

Крыши у всех строений плоские и состоят из балок вершка в 3 в диаметре, вделанных в стены; пространство между ними, обыкновенно около 3/4 аршина, закладывается дощечками, дюйма в 3 шириною, положенными почти сплошь одна к другой; поверх дощечек укладываются соломенные маты, иногда слой камыша, и все это сверху обмазывается слоем глины в 3 — 4 вершка толщиной. Верхняя поверхность потолка на 2 — 3 фута ниже вершины стены, так что в случае надобности он может заменить банкет для стрельбы людей, поместившихся за стенкой.

Окон в смысле европейском в этих жилищах нет, но вместо них имеются около потолка небольшие отверстия, куда вставляются деревянные доски с вырезами, чрез которые проходит свет, иногда же это отверстие оставляется ничем не заделанным. Вообще во внутренних комнатах довольно темно, зато почти в каждом здании есть балкон с навесом, где средне-азиатец спасается от жары. Существуют еще особенные комнаты, имеющие не сплошной потолок, а с промежутком посредине, равными по ширине каждой отдельной части потолка; затем и эти потолки находятся не на одном уровне. В этих комнатах светло, и вследствие раздвоения потолка, переходя то в ту, то в другую половину, можно целый день быть в тени. Вообще, чем ближе к Хиве, тем здания лучше; в садах около столицы можно встретить двух-этажные постройки, с оштукатуренными стенами, с резными колоннами, сделанными из крепкого урюкового дерева. [30]

Относительно внутреннего убранства жилищ ничего не могу сказать определенного, так как я его не видел; известно, что средне-азиатцы не имеют вовсе мебели, а

располагаются на коврах; последние при нашем появлении тщательно прятались, и мы осматривали только одни голые стены.

Описывая наиболее выдающиеся постройки, я могу ввести читателя в заблуждение относительно общего характера жилищ хивинцев, которые вообще не отличаются ни чистотою ни изяществом. Лучшие здания, принадлежащие богатым людям, встречаются за городом, городские же жилища, даже и знатных лиц, устроены гораздо хуже; что же касается до помещений простого народа, то они представляются жалкими лачужками из одной, двух глиняных комнат, страшно грязных и закопченных дымом. Последним качеством отличаются впрочем и дома людей зажиточных, не исключая и ханского дворца. Об отводе дыма помощью труб хивинцы не заботятся. Дым от огня, раскладываемого на особом месте, обмазанном глиною, свободно расходится, помимо предназначенного для него отверстия, по всей комнате и покрывает копотью потолок, стены и колонны. Только раз мне пришлось увидеть нечто в роде трубы, сплетенной из хвороста и обмазанной глиною. Это было в одной из мечетей Ходжейли, где в одном из углов, не доходя фута на два до очага, находилась труба, идущая вверх до потолка; она имела вид усеченной пирамиды и напоминала трубы, устраиваемые нашими крестьянами.

Говоря о жилищах хивинцев, нельзя не упомянуть о мечетях и училищах (медрессе), о постройке которых хивинцы особенно заботятся. Сколько могу судить по виденным мною образцам, у них нет выработанного типа для постройки мечетей.

Одне из них, имея большое сходство с жилыми помещениями, отличаются только большими размерами в [31] ширину и значительною высотой потолка (таковы мечети в Кунграде, в Ходжейли и некоторые мечети в Хиве); другие, при плоских крышах, имеют сбоку каменные пристройки, увенчанные куполами (в Ходжейли, Кош-Купуре, в Хиве); третьи, наконец, будучи построены из кирпича, имеют сводчатый потолок, как напр. мечеть Полван-ата в Хиве.

Типом постройки училища может служить построенное в 1842 году в Хиве медресе Медемин-хана. Здание это каменное, двух-этажное и довольно больших размеров; оно имеет почти квадратную форму и внутри его находится двор; в этом училище 130 келий на 260 воспитанников. Сообщение с кельями производится по галерее, с обеих сторон окаймляющей их. Войдя во двор, в котором также как и во всем городе не было деревьев, я встретил в галерее 2-го этажа довольно благообразного узбека, которого через переводчика и попросил показать мне здание. Проведя меня по галерее и показав кельи, которые впрочем все были заперты, он подвел меня к башне, находящейся в 2 — 3 саженьях от галереи, с наружной стороны здания. Башня эта в 3 — 4 саж. диаметром и поднималась довольно высоко вверх; внизу не было заметно двери, и только немного выше уровня пола галереи 2-го этажа находилось прямоугольное отверстие, могущее служить дверью. От пола галереи к этому отверстию были положены 2 жерди в 2 — 3 вершка диаметром. На мой вопрос, что это за башня и как войти в нее, мой проводник отвечал, что на вершину ее водят воспитанников, с целью показать расположение города и делать наблюдения над звездами. Воспитанники должны всходить на нее по бревнам, и таким образом сверх того берут урок гимнастики и, пожалуй, храбрости... И башня, и медресе, имели оригинальный вид, так как первая была обложена голубым; а последнее разноцветными изразцами. [32]

Впрочем, не только медресе Медемин-хана, но и остальные медресе, сравнительно с глиняными невзрачными жилищами города, посреди грязи, зловония и нечистот, свою

разноцветною наружностью, своими готическими окнами с железными решетками, заменявшими окна, производили отрадное впечатление.

ГЛАВА II.

Главные данные, которыми руководствовались при составлении плана экспедиции 1873 года; сущность составленного плана. — Состав и число войск в отрядах, выставленных от 3 соседних Хиве округов Оренбургского, Кавказского и Туркестанского. — Общее число войск вошедших в ханство; финансовые средства, ассигнованные на совершение экспедиции и приблизительная цифра действительной стоимости ее.

Опыт предъидущих походов, а также знакомство со степью после них, послужили с пользою при обсуждении плана экспедиции 1873 года. Лица, составлявшие его, пришли к заключению, что самое благоприятное время для прохождения безводных степей не зима, а ранняя весна; кроме того, желание поставить успех экспедиции вне всякой возможности неудачи от непредвиденных обстоятельств, могущих задержать один отряд, заставила организовать несколько отрядов такой силы, чтобы каждый из них отдельно был в состоянии овладеть ханством. Эта мера обусловливалась тем, что собственно ни один из поименованных в предъидущей главе путей не был исследован окончательно и не представлял гарантии в том, что двинувшийся по нем отряд наверное достигнет неприятельской страны. Более других был известен путь из Красноводского залива в Хиву чрез урочище Сары-Камыш, исследованный в 1871 году отрядом полковника Маркозова, который, дойдя по нем до Сары-Камыша, находился всего в 150 верстах от Куня-Ургенча. Однако, об удобстве этой дороги можно судить [33] потому, что в настоящую экспедицию полковник Маркозов предпочел двигаться по другому пути, гораздо менее исследованному, — на Игды и Измыхшир.

Целесообразность этой меры вполне оправдалась на практике: не смотря на неудачу, постигнувшую красноводский отряд, цель экспедиции была вполне достигнута.

Согласно составленному общему плану экспедиции, наступательные действия против Хивы должны были открыться с двух сторон: с востока туркестанским отрядом, составившимся из двух — джизакского и казалинского, и с запада соединенными силами отрядов Оренбургского и Кавказского округов (оренбургский, красноводский и мангышлакский отряды). Приняв во внимание направление движения Красноводского отряда, дававшее возможность соединения его с оренбургско-мангышлакским не иначе как у столицы ханства, вернее будет, если я скажу, что наши войска наступали с трех сторон: с востока, севера и запада.

Общее начальство над всеми войсками было поручено командующему войсками Туркестанского военного округа, генерал-адъютанту фон-Кауфману I. При нем, для управления всеми войсками, был сформирован полевой штаб, начальником которого был назначен генерального штаба генерал-майор Троцкий.

Начальниками отделов войск всех отрядов были назначены: начальником артиллерии — генерал-майор Жаринов; начальником инженеров — военный инженер полковник Шлейфер; полевым интендантом — статский советник Касьянов; главным отрядным врачом — статский советник Суворов.

Впрочем, громадное расстояние, отделявшее сформированные отряды одни от других, лишало полевой штаб всякой возможности руководить действиями войск Оренбургского и Кавказского военных округов как во время, похода, так и при вступлении в неприятельскую страну [34] до общего соединения всех отрядов в

столице ханства. Затруднительность сообщения была так велика, что оренбургско-мангышлакский отряд, находясь в 8 верстах от Хивы, во время двухдневного поджидания войск туркестанского отряда, не мог получить о них никакого положительного известия, что и вынудило начальника его, генерал-лейтенанта Веревкина, сделать усиленную рекогносцировку Хивы 28-го мая.

Приступая к описанию походного движения войск и их боевых столкновений с неприятелем, необходимо рассмотреть предварительно состав и численность отрядов [10](#).

1) Оренбургский округ выставил отряд под начальством военного губернатора Уральской области и наказного атамана уральских казаков, генерал-лейтенанта Веревкина, под начальство которого поступили также и войска Кавказского округа. Этот отряд состоял из 9 рот пехоты, 9 сотень казаков, 6 орудий казачьей конной артиллерии, 2 нарезных заряжающихся с дула орудий пешей артиллерии, ракетной батареи (6 станков) и 4 полупудовых мортир; численность всего отряда простиралась до 3.474 чел., считая в числе их 107 офицеров и классных чиновников. Начав движение из Оренбурга, Орска и Уральска около 15-го февраля, отряд этот к 18-му марта сосредоточился на Эмбенском посту, служившем в настоящую экспедицию временным базисом операционных действий отряда; главным же базисом, как и при всех наших действиях в степи, был Оренбург. Страшные холода и бураны задержали здесь отряд; только 30-го марта главные силы выступили, согласно предположенному плану действий, на операционный путь, идущий [\[35\]](#) чрез эмбенские степи и Усть-урт, на Куня-Ургенч и Хиву [11](#).

2) Мангышлакский отряд, собранный у Киндерлинского залива, двинулся в степь 14-го апреля на урочища Биш-Акты и Иль-теидже, под начальством полковника (ныне генерал-майора) Ломакина. Этот отряд состоял из 12 рот пехоты, саперной команды, 6 сотень кавалерии, 6 орудий (из них 2 горных) и 3 ракетных станков [12](#).

3) Красноводский отряд, собравшись в Чекишляре, выступил из него 26-го марта на Игды и Ортакую, в составе 12 рот пехоты, 4 казачьих сотень, 16 орудий и нескольких ракетных станков. Артиллерия этого отряда состояла из двух 4-х фунтовых нарезных заряжающихся с казны пушек, двух таких же заряжающихся с дула, 8 горных 3-х фунтовых заряжающихся с казны пушек, 3 таких же заряжающихся с дула и 1/4 пудового единого рога. Начальство над ним было поручено полковнику Маркозову.

4) Джизакский отряд, при котором находились: Его Высочество Герцог Лейхтенбергский Князь Романовский Евгений Максимилианович, генерал-адъютант фон-Кауфман; чины полевого штаба и начальники отделов, начав выступление из Ташкента, Ура-тюбе и Ходжента в первых числах марта, сосредоточился в Джизаке 12-го марта и оттуда двинулся по направлению на Тамды и Буканские горы, где предполагалось соединиться с казалинским отрядом близ урочища Мын-Булак или Дау-Кара. Начальство над джизакским отрядом, а также и казалинским, по [\[36\]](#) соединении с последним, было поручено генерал-майору Головачеву. В состав первого отряда входили 12 рот пехоты (6 стрелковых 5 линейных и одна саперная), 5 1/2 сотень казаков, 14 полевых орудий, 2 облегченных пушки, 4 полупудовых мортиры и ракетный дивизион.

5) Наконец, казалинский отряд, при котором находился Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Константинович, имел 9 рот пехоты, 1 1/2 казачьих сотни, 2 картечницы, и горный и ракетный дивизионы. Всего в туркестанском отряде, образовавшемся по соединении джизакского и казалинского отрядов, было 21 рота

пехоты, 7 сотень казаков, 14 полевых орудий, 2 картечницы, 2 облеженных пушки, 4 полупудовых мортиры и ракетная батарея. Численность всего отряда доходила до 5.500 чел.

Сводя итог числу войск всех отрядов, находим, что против Хивинского ханства было двинуто: 54 роты пехоты, 26 сотень казаков, 30 полевых нарезных пушек, 2 картечницы, 2 облеженных пушки, 8 полупудовых мортир, 18 горных орудий и 3 ракетных батареи. Выключая же отсюда численность красноводского отряда, вернувшегося, не достигнув пределов ханства, получим: 42 роты пехоты, 22 сотни казаков, 26 полевых орудий, 2 картечницы, 2 облеженных пушки, 8 полупудовых мортир, 6 горных орудий и 2 1/2 ракетных батареи, — всего около 11 тысяч человек. Если из последнего числа исключить части, оставленные вместо гарнизонов в построенных в степи укреплениях или оставленные в тылу для обеспечения с коммуникационной линией ¹³, то окажется что отряд, [37] вошедший в пределы ханства, состоял из 35 рот, 17 1/2 сотень, 24 полевых орудий, 2 картечниц, 8 полупудовых мортир, горного дивизиона и 14 ракетных станков, — всего до 9 тысяч человек.

Не имея под рукой официальных данных, я в настоящей главе не коснусь количества запасов, взятых всеми отрядами, и числа выючных животных, набранных ими для перевозки этих запасов; данные, известные мне относительно некоторых отрядов, я помещу в следующих главах; теперь же скажу несколько слов о финансовых средствах, предназначавшихся для совершения экспедиции. Согласно общему плану, на расходы, не могущие быть отнесенными на сметные суммы интенданства, как-то: на заготовление экспедиционных вещей, на подъемные деньги офицерам и чиновникам, на наем верблюдов, содержание почт и на экстраординарные расходы было ассигновано, сверхсметным кредитом, в распоряжение генерал-адъютанта фон-Кауфмана 287.300 руб. и генерал-адъютанта Крыжановского 200.000 руб.; снаряжение же экспедиции со стороны Кавказа было отнесено на четырех сот тысячную экстраординарную сумму, отпускаемую ежегодно в распоряжение кавказского начальства. Однако, на самом деле экспедиция обошлась значительно дороже, и по всей вероятности, стоимость ее простирается до 3 миллионов руб.

Чтобы не говорить голословно, приведу несколько данных: в Оренбургском округе из ассигнованных 200.000 издержано 176.275 р. 82 к. на пособие офицерам и чиновникам, на закупку подарочных вещей, перевозку нижних чинов до Эмбенского поста, на заготовку сушеной капусты, баклаг и пр. Таким образом [38] на наем верблюдов, содержание почт и экстраординарные расходы всего остается 23.724 руб. 18 коп. Между тем для перевозки тяжестей оренбургскому отряду потребовалось около 5.000 верблюдов, нанятых по контракту с таким условием, что цена за верблюда определялась за первые 2 месяца 23 рубля, а в остальные по 18 рублей в месяц. Так как войска возвратились в конце сентября, то платных месяцев будет 6, и за верблюдов придется заплатить около 590.000 руб., что с прежде издержанною суммой составит 766.275 руб. 82 копейки.

В Туркестанском округе за верблюда платили почти вдвое меньше; но зато там потребовалось их почти вдвое больше; притом в туркестанском отряде около 8.000 верблюдов пало дорогой. Так как, по условию, за каждого павшего животного придется заплатить 50 руб., то на этот отряд приходится одного непроизводительного расхода до 400.000 руб. На два отряда Кавказского округа падет не меньший расход, так что неудивительно, если показанная мною приблизительная цифра стоимости всей экспедиции окажется верною.

Познакомив с общим планом действий, перехожу к описанию походного движения отрядов от мест сбора до хивинских пределов ¹⁴. [39]

ГЛАВА III.

Движение войск оренбургского отряда от мест расположения их к общему сборному пункту — Эмбенскому посту. — Меры, принятые комитетом, составленным для обсуждения вопросов, касавшихся экспедиции, как относительно скорейшего и безопасного передвижения войск до Эмбенского поста, так и дальнейшего движения по бесплодным Эмбенским степям и Усть-Урту. — Состав инженерного парка оренбургского отряда. — Заботы Оренбургского местного управления Общества попечения о больных и раненных о доставлении отряду госпитальных принадлежностей и припасов. — Порядок и направление движения войск, выступивших из Оренбурга, Орска и Уральска. — Вид места остановки отряда в степи. — Пребывание отряда в Эмбенском посту; причина остановки движения и занятия войск до выхода в степь.

Распоряжение относительно приготовлений к походу было получено в Оренбурге 21-го декабря 1872 года, и тотчас же было приступлено к деятельному приготовлению к предстоящей экспедиции, для чего был составлен комитет из начальников отдельных частей войск и управлений, до которых касалось предстоявшее дело. Войска, составлявшие оренбургский отряд, находились в Оренбурге Орске и Уральске, и из этих мест должны были к 15-му марта сосредоточиться в Эмбенском посту, одном из степных укреплений, построенных для поддержания спокойствия в Киргизской степи. Главное начальство над этим отрядом было поручено военному губернатору Уральской области, генерал-лейтенанту Веревкину; при нем был сформирован походный штаб, начальником которого назначен генерального штаба полковник Саранчов ¹⁵. [40]

По обсуждении вопроса о способе сосредоточения войск к Эмбенскому посту, комитет пришел к заключению о необходимости, для сбережения людей, отправить все пехотные части на пароконных подводах, которые должно поставить интендантство. На каждой подводе решено было везти четырех солдата, которым кроме аммуниции и снаряжения дозволялось взять с собою до 1 1/2 пуда собственного багажа.

Имея в виду трудность и опасность передвижения войск в зимнее время, войска были снабжены от интендантства полушубками, валенками, подстилочною кошмой, меховыми воротниками и очками-консервами для предохранения глаз, сначала от блеска снега, а потом от пыли и песку. Не менее было важно озаботиться доставлением людям питательной и здоровой пищи, как во время следования войск до Эмбенского поста, так и при дальнейшем движении. Поэтому комитет признал необходимым, чтобы каждый солдат получал по фунту в сутки свежего мяса, пил каждый день чай, а в холодное время спирт. С этою целью войска в местах отправления были снабжены провиантом по числу дней марша на 30 дней и на 7 дней в запас, причем им были выданы вперед приварочные деньги по 6 3/4 коп. на человека; затем в Эмбенский пост был отправлен 100 дневный запас сухарей и крупы для людей, и овса для лошадей, а также сахар, чай, спирт, сушено-квашенная капуста, табак, лук, перец и другие противоцинготные средства. На случай временного недостатка в степи мяса, кроме того было взято 12.740 порций разных консервов, как-то: сухих щей князя Долгорукова, [41] картофельной муки профессора Киттары, щей доктора Данилевского и мясного экстракта доктора Либиха. Все эти припасы предполагалось отправить в степь вместе с отрядом; затем 10-го апреля должен был выйти из Эмбенского поста новый транспорт с месячным запасом провианта и полумесячным овса.

Так как киргизские зимовки не представляли никакой возможности для помещения всех людей эшелона во время остановок по пути движения к Эмбенскому посту, то

киргизам было вменено в обязанность выставить в местах, избранных для станций, приблизительно в расстоянии 35 — 40 верст между ними, от 30 до 40 кибиток; туда же велено было доставлять топливо, сено и скот. Кибитки выставались безвозмездно, остальное же за деньги, причем топливо (кизьяк) обходилось до 12 коп. за пуд, а сено от 30 до 50 коп.

Своеобразие и трудность похода, предпринимаемого в суровую зиму, в предвидении, что придется на походе встретить весну, и затем двигаться по безводной и пустынной степи при страшной летней жаре, заставляла серьезно заняться мерами относительно сбережения здоровья людей. С этой целью, кроме теплой одежды и хорошей пищи, решено было снабдить всех чинов отряда войлочными юламейками, которые, будучи удобны для перевозки на вьюках, предохраняют людей — зимою от холода и буранов, а летом — от жгучих лучей солнца. Ниже я опишу устройство этих оригинальных жилищ кочевников, принесших большую пользу отряду; теперь же упомяну только, что для всего отряда было отпущено 372 юламейки, с таким расчетом, что командирам баталионов со штабом дано по 3, командирам рот и сотень по одной, а прочим офицерам по одной на троих, нижних же чинов поместили по 10 человек в одной юламейке. Кроме того, походному штабу и его отделам было отпущено 19 юламеек. [42]

С принятием мер по сбережению здоровья людей во время похода, необходимо было позаботиться о возможности перевозки за отрядом воды, на случай движения его по безводным пространствам; для этого в Оренбурге и Орске были заказаны и затем перевезены в Эмбенский пост 3.723 деревянных баклаги с железными обручами, вмещающие каждая 4 ведра воды. Эти баклаги могли вмещать в себе двух-дневную пропорцию воды для отряда.

Помимо удовлетворения всех войск, при выступлении, полным комплектом боевых патронов и снарядов, в Эмбенском посту был образован для дальнейшего следования в степь артиллерийский парк, в котором находился двойной комплект патронов для пехоты, также зарядов и снарядов для артиллерии ¹⁶.

В Оренбургском округе, как известно, вовсе нет саперных частей; необходимость в этом роде оружия заставила командующего войсками округа обратиться к Товарищу Генерал-Инспектора по Инженерной части, с просьбой прислать в Оренбург одного инженерного офицера, одного саперного офицера и 4 саперных унтер-офицеров. Исполняя эту просьбу, генерал-адъютант Тотлебен командировал в Оренбург от С.-Петербургского крепостного Инженерного управления инженер капитана Красовского, 3-го Саперного Резервного баталиона подпоручика Саранчова (автора статьи), унтер-офицеры же были назначены по одному от баталионов Сводной Саперной бригады.

Кроме того, в Оренбургском округе, по [43] распоряжению начальника штаба округа, генерал-майора Зверева, в 1-м и во 2-м линейных баталионах были образованы саперные команды, по 25 человек в баталионе; эти команды оказались весьма добросовестно подготовленными, на сколько этого можно было достигнуть с людьми, неучаствовавшими на практических работах. Люди обеих саперных команд были снабжены шанцевым инструментом, и сверх того, из припасов, взятых в степь, был образован инженерный парк, перевозившийся на 55 верблюдах. В состав его входили:

1) 10 переносных трубчатых колодцев (2 системы Нортон, 2 — Франка и 9 — измененной системы Франка).

2) Разборчатый мост на козлах; паром из двух бударок, смоляной и не смоляной канат, веревки, трасировочный шнур и проч.

3) Плотничный инструмент, как-то: пилы, коловорот, клещи, долота и проч.; походная кузница, кузнечный инструмент и небольшой запас брусчатого и полосового железа.

4) Шанцевый инструмент, взятый на случай постройки укрепления, а именно:

Лопат.	190
Кирок.	25
Мотыг.	21
Кирок с мотыгами.	40
Топоров.	50

5) Для кольев, нужных для трасировки укрепления, устройства моста и проч., было взято несколько сотень березовых аншпугов, в сажень или полторы длиною и от 1 до 2 дюйм. в диаметре.

6) Наконец было взято 15 пуд. пороху и 20 саж. сосиса, 15 четвертей угля, 1.000 земляных мешков и [44] 2 ворота с 4 бадьями, для поднятия воды из могущих встретиться глубоких колодцев.

Кроме моста на козлах, находившегося в Эмбенском посту, и который для удобства перевозки на вьюках был изменен, предполагали еще отправить из Оренбурга мост на парусинных понтонах; но от него пришлось отказаться за невозможностью перевозки его на вьюках.

Относительно санитарной части, кроме лазаретов и околодок, находящихся при частях, предполагалось учредить центральный подвижной лазарет на 50 человек. Для него были сосредоточены в Эмбенском посту госпитальные припасы, противочинготные средства, 12 кибиток с железными печами, для помещения больных, и проч. Однако, вследствие малого числа больных и раненных, этот лазарет не открывался.

Вообще, во все время похода, в госпитальных принадлежностях и медикаментах скорее был избыток чем недостаток, чему не мало содействовали заботы местного Оренбургского управления Общества попечения о больных и раненных воинах. Помимо припасов, улучшавших пищу больных, как то: сахара, чая, сгущенного молока, рому, коньяку, хересу и пр., это управление доставило значительное количество корпии, госпитального белья на 50 чел. и 3 лазаретных повозки. При этих припасах следовал с отрядом уполномоченный от Общества г. Оводов, которому Общество ассигновало 3.000 руб. на непредвиденные расходы.

Все эти припасы ¹⁷, вес которых доходил до 90.450 пуд., были направлены в первых числах февраля из Оренбурга и Орска в Эмбенский пост, на санях, [45] запряженных лошадьми или верблюдами, частью же на вьюках. Для дальнейшей же перевозки грузов от Эмбенского поста до Хивы, было заключено с подрядчиком условие, в силу которого он обязывался выставить к 10 — 12-му марта 4.970 верблюдов, получая в течение первых 2 месяцев по 23 рубля, а в остальные по 18 рублей за каждого.

Что касается до движения отряда, то войска, находившиеся собственно в Оренбурге, были разделены на 3 эшелона. В состав их входили: 4 роты 1-го линейного батальона, 2 казачьи сотни, 6 орудий казачьей конной артиллерии и прислуга: от местной артиллерийской команды к 4 полупудовым мортирам и 2 нарезным 4-х фунт. пушкам. Пехота и пешая артиллерия следовали на Эмбу чрез Илецкую защиту и Ак-Тюбе (495 верст), а две сотни и конная артиллерия шли другою дорогой, вдоль реки Хобды (543 версты). Первый эшелон этих войск выступил 16-го февраля.

Войска, находившиеся в Орске, выступили почти одновременно с оренбургскими, четырьмя эшелонами. Отсюда двинулись в степь: 2-й линейный батальон (5 рот) и

4 Оренбургских казачьих сотни.

Наконец, из Уральска, 24-го февраля, вышли на Эмбу чрез Уил (625 1/2 верст) 3 Уральских казачьих сотни ¹⁸. Для всех этих эшелонов переходы назначались около [46] 40 верст. Для сбережения артиллерийских лошадей, орудия, лафеты и комплект снарядов везли на санях, а упряжных лошадей вели в поводу. Для перевозки нижних чинов и их багажа потребовалось 545 пароконных подвод, причем за каждую подводу пришлось платить 60 руб.

Зима 1872 — 1873 года отличалась суровостью и продолжительностью. Отрядам, вступившим в степь в середине февраля, пришлось двигаться при 25° мороза и страшных буранах; однако, за исключением Уральских сотень, к 15-му марта в Эмбенском посту собрался весь отряд. Не то было с перевозочными вещами и верблюдами. При предположении выступить 15-го марта, и те, и другие должны были сосредоточиться в укреплении 10 — 12-го марта; однако вместо 4.970 верблюдов их к этому времени оказалось, меньше 2,000; в такой же пропорции явились и тяжести.

Я выехал из Оренбурга в Эмбенский пост 1-го марта. Сначала мы не встречали ни войска, ни транспортов, но мы вполне могли судить о тех неудобствах, которые пришлось испытать обозу, вследствие страшных ухабов, образовавшихся в глубоком снегу. Ухабы эти были до того велики, что 10 киргизских лошадей, запряженных в тарантас, поставленный на зимний ход и попавший в ухаб, не в состоянии были вытащить его, и нам зачастую приходилось ночевать среди степи, в томительном ожидании, пока посланный на следующую станцию не приведет свежих лошадей. Иногда то же самое происходило и от причины совершенно противоположной — недостатка снега — что встречалось обыкновенно на более возвышенных местах: в песках тощия киргизские лошаденки совершенно отказывались тащить экипаж.

Проехав Ак-Тюбе, мы начали уже обгонять обозы и могли видеть оригинальные места стоянок войск. На [47] более возвышенной местности, обнаженной от снега, благодаря 2 — 3 дням оттепели, или же покрытой небольшим слоем его, находилось несколько десятков кибиток, в которых помещались тяжести и животные. В кибитках проголодавшиеся и озябшие солдатики разводили огонь, болтали и грели воду для чая... Особенно живописным бивуак казался вечером: дым, выходивший из отверстий вверх

кибиток, придавал им вид вершин огнедышащих сопок. Ржание лошадей, пронзительные крики верблюдов, непонятные слова киргизов-возчиков, бранящихся с русскими извозчиками, звуки солдатских голосов, а иногда и разудалых песен — все это сливалось в общем шуме, придавая бивуаку необыкновенное оживление.

Рано утром вся эта масса людей и животных снимается с бивуака и уходит дальше, а на бывшей стоянке, вместо недавней жизни, кипевшей ключем, наступает мертвая тишина и спокойствие. Только 2 — 3 киргиза-сторожа в своих малахайках (оригинальных шапках) вяло и флегматично расхаживают по двору, и тем отчасти нарушают воцарившуюся тишину. К вечеру снова, являются гости, снова закипает жизнь, умолкающая внезапно утром, и т. д.

Нужно признаться, что передвижение войск до Эмбенского поста, благодаря принятым вполне рациональным мерам, было совершено чрезвычайно успешно: не смотря на то, что войскам пришлось двигаться при 25-ти градусных морозах, было всего 2 — 3 случая обморожения; вообще больных было очень мало, всего около 40 человек, заболевших частью простудною лихорадкой, частью глазами.

Совершенно другое было при перевозке транспортов.

Вследствие страшных ухабов, утлые сани извозчиков ломались, кладь вываливалась, кули рвались, содержимое в них высыпалось и пр. Во время поездки мне часто [48] приходилось встречать груды тюков, беспорядочно разбросанных по дороге, иногда совершенно без всякого надзора; — так обыкновенно распоряжались киргизы-возчики, которые, вследствие поломки саней, бросали все на произвол судьбы, и сев верхом на лошадь, отправлялись искать новых саней.

От Оренбурга до Эмбенского поста около 500 верст. Мы ехали день и ночь; нигде не останавливаясь, и только на десятый день приехали в укрепление, бросив по дороге тарантас и пересев в легкие киргизские сани, в которых приходилось ехать лежа и держась за нарочно для того привязанные веревки, чтобы поминутно не вываливаться на ухабах. В укреплении уже находилась большая часть отряда.

Войска, прибывшие в Эмбенский пост, помещались главным образом в юламейках и кибитках; только сравнительно небольшая часть их жила в конюшнях, наскоро приспособленных для этой цели прорубкою в них окон и установкою железных печей. Последняя, числом до 25, были сделаны приехавшим для этого из Оренбурга кровельщиком; ими же отапливались и кибитки.

Выше я говорил, что вследствие того, что транспорты и вьючные верблюды опоздали, пришлось отложить выступление в степь до конца марта. Впрочем, если бы контрагент и выполнил свое обязательство во-время, то и тогда едва-ли мы двинулись бы раньше. Движение в глубь степи, по глубокому снегу, без дорог, при страшном холоде, с 5.000 массой верблюдов, которые также как и лошади были лишены подножного корма, вследствие глубины снега и ледяной коры, покрывавшей его сверху, — было крайне рискованно и опасно. С другой стороны, каждый из начальствующих лиц знал, что всякий день остановки в Эмбенском посту отдалял для нашего отряда возможность участвовать в покорении Хивы, так как уже было [49] известно, что Туркестанский отряд выступил в первых числах марта.

Как бы то ни было, войскам пришлось простоять на месте более 2 недель без всякого определенного занятия. Вследствие этого начальник отряда приказал производить

ученья, заниматься стрельбой и даже раз произвел одно-сторонний маневр. Для стрельбы, конечно, выбиралось время потеплее, но все-таки приходилось стрелять при нескольких градусах мороза и при ветре. Это обстоятельство, а также и непривычка стрелять зимой при блеске снега, были причиной, что результаты стрельбы получались тем не менее только умеренные. Эти ученья были чрезвычайно полезны: с одной стороны они доставляли хотя какое нибудь занятие и развлечение нижним чинам, с другой — давали самому начальнику отряда возможность познакомиться с людьми ему подчиненными, так как из всех войск только три Уральских сотни находились до похода под его начальством. Погода далеко не благоприятствовала этим занятиям; за все время пребывания войск в Эмбенском посту было всего 2 — 3 теплых дня, когда к полудню снег таял и в укреплении появлялась грязь; затем все остальное время стояли морозы в 10, 15 и до 25°, нередко сопровождавшиеся метелью и буранами.

ГЛАВА IV.

Выступление авангарда и главных сил из Эмбенского поста. — Меры, принимаемые во время похода для скорейшей выючки и для сбережения верблюдов. — Меры охранения от нечаянного нападения неприятеля. — Способ расположения на бивуаке. — Движение отряда от Эмбенского поста до Усть-Урты. — Способы, принятые для более безопасной переправы верблюдов в брод. — Переправа через Чеган.

Так как 25-го марта можно было предполагать, что к 30-му числу этого месяца придут все верблюды, то [50] начальник отряда решил 26-го марта послать авангард из 2 сотень казаков и 25 человек саперной команды ¹⁹. Начальником авангарда был назначен ротмистр Мореншильд, а помощником к нему — поручик граф Шувалов. На обязанность авангарда, кроме разведывания о неприятеле, было возложено исправление дороги, устройство, где встретится надобность, мостов и спусков, и пр. Для руководства этими работами с авангардом отправился капитан Красовский, взявший с собой разборчатый мост на козлах и большую часть инженерного транспорта. В день выступления было довольно тепло, и хотя авангарду пришлось самому прокладывать себе путь по глубокому снегу, однако на этот раз он благополучно дошел до назначенного места ночлега.

В ночь с 26-го на 27-е погода снова изменилась: был довольно сильный мороз с страшным ветром; такая же погода продолжалась вплоть до 30-го марта. Из авангарда начали получаться самые неутешительные известия: на другой день он едва сделал 8 верст, так как верблюды, крайне изнуренные безкормицей, были решительно не в состоянии идти дальше и начали падать. Однако, не смотря на это, 30-го марта решились двинуть первый эшелон. При выступлении отряда, в Эмбенском посту для конвоирования запасов, предназначенных для отправления к мысу Урты, была оставлена сотня казаков. Затем все остальные войска выступили двумя эшелонами: 30-го марта двинулись 8 рот пехоты, 3 сотни казаков и артиллерия с их обозом, под непосредственным начальством генерал-лейтенанта Вережкина; 31-го же марта вышел интендантский транспорт, прикрытые которого составляли: [51] 1 рота пехоты и 3 сотни казаков, под начальством полковника Новокрещенова.

Приступая к описанию дальнейшего движения отряда в степи, считаю необходимым познакомить читателей с теми принципами, которыми руководствовались в оренбургском отряде относительно мер, предпринимаемых для обеспечения отряда от нечаянных нападений и для сбережения верблюдов.

В оренбургском отряде каждая отдельная часть сама заботилась о целостности своего транспорта и назначала для него определенное число нижних чинов, которые, конвоируя транспорт на походе, помогали навьючивать верблюдов как при

выступлении с ночлега, так и во время движения, так как дорогой верблюжьей выюки зачастую развязывались, и приходилось тотчас же перевьючивать животное. Назначение постоянных людей к верблюдам было необходимо, потому что одно из главных условий сбережения этих животных заключается в хорошей выючке, которая, как и все, требует практики. Следовательно, назначаемые для этой цели каждый день новые люди не удовлетворяли бы этому условию.

Затем перехожу к мерам охранения. Приведенное мною выше мнение о том, что одною из главнейших причин неудачи экспедиции графа Перовского было излишнее обременение людей аванпостною службой, принадлежит генералу Веревкину, который, будучи одним из главных участников завоевания Туркестанского края, управляя в самое смутное время около 8 лет одною из областей его, действительно может быть авторитетом во всем, что относится до степной войны с обитателями средней Азии.

Имея в виду, что аванпостная служба, при всей своей необходимости, весьма обременительна для солдата во время похода и что нет возможности подчинять большой правильности движение верблюжьих транспортов, без изнурения животных, генерал Веревкин принял следующие [52] меры охранения отряда на пути его следования от нападения неприятеля: до Усть-Урта, высланный вперед авангард, находясь в 3 — 4 переходах от главных сил, вполне обеспечивал их от нечаянного нападения; поэтому число людей, несших охранительную службу, было доведено до minimum'a. При движении, меры охранения заключались в том, что в расстоянии полуверсты, впереди головы колонны, ехали 4 казака с вожаком в голове; с ними же ехало несколько джигитов и один из офицеров, состоявших при начальнике отряда. Непосредственно перед верблюдами шел авангард из взвода казаков; вправо и влево от головы колонны высылались по 10 джигитов в виде разъездов; сзади колонны шел арьергард из полусотни казаков, на который была возложена обязанность подбирать отставших верблюдов, или по крайней мере перекладывать выюки с околевавших животных на здоровых. Ночью, меры охранения ограничивались выставлением полевого, лагерного и заднего караулов, и постановкой немногих казачьих постов.

Со вступлением на Усть-Урт, особенно приближаясь к мысу Урга, опасность от нападения увеличилась; сообразно с этим усилились и меры охранения. Авангарду велено было высылать по несколько раз в день разъезды, которые отправлялись вечером, а главным образом — пред рассветом ²⁰; затем в порядке движения главных сил в свою очередь произошло небольшое изменение: помимо авангарда из взвода казаков, шедшего впереди войск, непосредственно перед верблюдами шла рота пехоты в развернутом фронте. Не позволяя верблюдам обгонять себя, она тем предохраняла обоз от черес-чур большего беспорядка и в то же время служила ему [53] прикрытием на случай нечаянного нападения неприятеля; в стороны посылались разъезды ²¹, от которых в свою очередь высылались патрули; в арьергард назначалась сотня казаков.

При расположении на бивуаке, ночью, предосторожности также были усиливаемы: кроме цепи парных часовых, выставяемые аванпосты из казаков были усилены; впрочем, в зависимости от малочисленности отряда и свойств местности, заставлявшей принимать охранительные меры со всех сторон, они выставлялись не очень далеко: бекеты находились всего в расстоянии версты от бивуака, причем застав вовсе не было.

Желание по возможности сберечь людей заставило начальника отряда не выставять сначала и главного караула; только, если не ошибаюсь, с Исен-Чагила начали назначать дежурную часть из казаков; она находилась вблизи цепи парных часовых, к стороне наиболее вероятного нападения неприятеля. Впрочем, свойства кавалерии и

совершенно ровная местность давали ей возможность поспеть на каждом пункте, где бы ни случилась тревога.

Со вступлением в хивинские владения, когда каждый день приходилось иметь дело с неприятелем, обоз, для облегчения военных действий, был совершенно отделен от действующих войск отряда. Заведывание им поручалось по очереди одному из начальников отдельных частей, в распоряжение которого поступало около батальона пехоты, несколько сотень казаков с 2 — 3 ракетными станками и иногда одно — два артиллерийских орудия.

Чтобы дать более полное понятие о движении отряда, я опишу впечатления одного дня.

Часа в три утра, сквозь сон слышится игра похода, и вслед за этим поднимается шум и движение: это верблюдовожатые и солдаты начинают выючить [54] верблюдов. Утренняя свежесть и прохлада, благодаря резким переменам температуры днем и ночью, дает себя чувствовать, и мы, разбуженные шумом, не сразу решаемся расстаться с постелью. Однако благоразумие берет верх, и мы быстро принимаемся за приведение в порядок своего туалета. Еще не вполне одевшись, вместе с кроватью и чемоданом, служащим походным столиком, мы уже очутились на свежем воздухе, — юламейки как не бывало, и в то время, когда мы на-скоро принимаемся пить чай, наше жилище связывают и выючат на верблюда... Новая обстановка дает возможность рассмотреть оживленный вид бивуака, где повсюду царствует деятельность и движение. Прежде всего бросаются в глаза верблюды и суetyающиеся около них солдаты и верблюдовожатые. Вблизи нас два солдата выючат верблюда; послушное животное лежит смирно, но кладь — 4 связки березовых аншпугов — не особенно удобна для выючки. Только-что привязали по 2 пучка к обоим бокам седла, как оказывается, что левый груз значительно перевешивает правый и готов, вместе с седлом, перетянуть его на сторону. Бедное животное, чувствуя неловкость своего положения, семенит ногами и жалобно кричит. "Что за притча"! думает солдат, "вчера на обоих боках груз был одинаков, а сегодня на левой стороне вдруг потяжелел"? А это объясняется весьма просто: пользуясь ночью темнотой, ктонибудь из верблюдовожатых облегчил один из пучков, образовав из взятых палок яркий костер... Соседний верблюд оказывается значительно упрямее: только-что уложили его и приложили к бокам по четверти овса, с целью привязать их к седлу, как он неожиданно с криком поднимается и чуть не сшибает с ног навьючивавших его солдат. В другом месте на верблюда навьючили две четверти сухарей; только-что поднялось животное, как из одного куля сухари начинают сыпаться почти непрерывною струей. Это опять кто [55] либо из верблюдовожатых, побуждаемый голодом, под покровом ночи, чрез сделанное отверстие в куле, запаса на счет казны продовольствием на несколько дней ²²...

Вот горнист заиграл призыв к завтраку-обеду, и солдаты, поставив ружья в козлы, отправляются совершать свою раннюю трапезу. Почти вслед за этим дежурный по отряду является к начальнику отряда доложить, что выючка окончилась, и испросить позволение двигаться вперед.

Генерал проснулся раньше всех, и сидя на свежем воздухе за походным столиком, пьет чай. С своей позиции он удобно наблюдает за всем, что совершается на месте бивуака. Он видит, как после зари солдатики быстро выходят из своих юламеек, и пользуясь имеющеюся пока водой, спешат умываться; на его глазах группы конусообразных юламеек, в течение какихнибудь 10 — 15 минут, при деятельном участии хозяев-солдат, заменяются группами верблюдов, нагруженных этими походными жилищами; видит он, как масса тюков, кулей и мешков, игравших роль бруствера, переходит с

земли на спины кораблей пустыни; от него не скрывается также трагическое положение нескольких заспавшихся штабных офицеров, у которых киргизы [56] начинают разбирать юламейки, не смотря на то, что хозяева их еще в постели...

С движением вперед верблюжьего обоза, место бивуака начинает видимо пустеть. Вот проехали крупным шагом казачьи сотни, с целью поскорее обогнать верблюдов; за ними двинулась артиллерия. Немного погода выступает и пехота, обыкновенно с музыкой, заменявшейся потом песнями. Песни, как для пехоты, так и для кавалерии, служили большим подспорьем в походе. Слушая их, как-то забываешь и усталость, и то расстояние, которое еще остается пройти а оно, между тем, незаметно сокращается. Поэтому то во все время похода песни пелись у нас непрерывно...

По выступлении пехоты садится на лошадь и генерал, обыкновенно рысью обгонявший обозы и войска. Догнав кавалерию, он уже все время оставался в голове колонны.

Пройдя 5 — 6 верст, делалась небольшая остановка в 5 — 10 минут, и затем снова двигались дальше; приблизительно на 10-й версте кавалерия спешивалась (конечно, когда не было грязи), и с полчаса шла пешком. Пройдя несколько больше половины расстояния, делали большой привал в полтора, два часа. Здесь солдаты и офицеры закусывали чем Бог послал, и когда верблюды начинали подходить к месту привала, снова двигались в путь. За несколько верст до привала, генерального штаба капитан Иванов с несколькими казаками обгонял авангард и выбирал место для бивуака, обозначая его поставленными казаками; благодаря этому, отряд, подходя к бивуаку, тотчас же мог располагаться на отдых.

Со вступлением на Усть-Урт первоначальный порядок выступления с места ночлега несколько изменился: чтобы не давать возможности обозу через-чур удалиться от войск, авангард, отойдя с версту или несколько более, останавливался на удобной позиции; несколько сзади его располагалась авангардная рота, а за нею [57] сосредоточивался верблюжий транспорт, образуя густую массу от 30 до 40 ниток в глубину. Когда все верблюды были собраны за авангардом, а аррьергар трогался с места бивуака, дежурный по обозу ²³ докладывал об этом начальнику отряда, который в это время обыкновенно находился впереди авангардной роты, где были собраны и войска. Получив донесение, начальник отряда отдавал приказание двигаться дальше.

Говоря о мерах обеспечения войск во время расположения их на бивуаке, я ничего не сказал о виде бивуака, который имел то же своеобразный характер. Располагаясь совершенно в ровной степи, где неприятель мог нападать со всех сторон, было необходимо дать бивуаку форму, которая представляла бы возможность с успехом отражать нападение, независимо от того, действует-ли неприятель с фронта, с тыла или флангов, словом — форму каре, черт. III, фиг. 1. В зависимости от числа частей, величина его в разное время изменялась, но общий характер оставался тот же самый. Расположение это представляло нечто в роде редута, в котором стены заменялись верблюжьими व्यюками. За этою оградой, в расстоянии 10 — 15 шаг., помещались юламейки для нижних чинов, а сзади, за каждою частью, располагались верблюды, перевозившие ее транспорта. Внутри каре помещались: штаб, кибитки маркитанта и верблюдовожатые. Подобное расположение давало возможность защищаться даже в случае нападения неприятеля, в силах значительно превосходивших силы отряда.

Познакомив с мерами охранения, принимаемыми [58] отрядом как на бивуаке, так и на походе, перехожу к описанию самого похода. 30-го марта, как я сказал выше, двинулись в глубь степи главные силы. В этот день было относительно тепло, всего 5

— 6° мороза, но зато свирепствовал сильнейший сухой ветер. Весь 20-ти верстный переход войскам и животным приходилось идти по единственной дорожке, проложенной в снегу авангардом; вправо и влево от нее лошади проваливались более чем по колена и резали себе ноги об оледенившую наружную поверхность снега. Пройдя верст 5 за место бывшего бивуака авангарда, отряд остановился на месте, совершенно покрытом снегом. Усталые и измученные войска, вместо отдыха, должны были для установки юламеек разрывать снег на глубину около аршина. Вечером, по обыкновению, сделалось значительно холоднее и ветер усилился. Нечего и говорить, что ложась спать, никто и не думал раздеваться; все спали одетыми, укрывшись всем что только было теплого. К утру погода изменилась: сделалась оттепель и пошел дождь, порядочно нас измочивший; к полудню он однако прекратился, и поднявшийся ветер очень скоро нас высушил.

31-го марта также пришлось идти по снегу, хотя теперь он был не так глубок, и иногда приходилось встречать места почти обнаженные. В этот день бивуаком расположились на правом берегу реки Аты-Джаксы. Этот берег, будучи значительно выше левого, в месте остановки отряда отходил саженой на 200 от реки, образуя долину, защищенную от ветра и уже большею частью освободившуюся от снега; благодаря последнему обстоятельству, верблюды могли находить для себя корм, которым служили остатки прошлогодней полыни и травы. Что касается левого берега, то он представлялся в виде степной равнины, еще совершенно покрытой снегом. Возможность доставить подножный корм верблюдам и желание [59] дать отдых этим измученным животным, заставили начальника отряда сделать здесь 1-го апреля дневку.

В этот день было несколько градусов тепла, и снег начал быстро таять. Так как при дальнейшем движении отряду приходилось переходить через речку Аты-Джаксы, то генерал Веревкин приказал мне, вместе с капитаном Ивановым, выбрать место и приспособить его для переправы войск через реку. В русле последней, вследствие таяния снега, внизу была вода, покрытая сверху значительным слоем снега. В выбранном нами месте овраг был шириною саженой в 7; правый берег его был отлогий, левый же весьма крутой; глубина снега по-середине доходила до 2 1/2 аршин. Возложенное на меня поручение можно было выполнить двояко: расчистить снег и сделать спуски, или же утрамбовать снег на столько, чтобы он в состоянии был выдержать движение артиллерии. Еще на предыдущем переходе нами был встречен спуск через овраг, расчищенный авангардом; скаты его были очень скользки и неудобны для движения верблюдов, а потому я решился прибегнуть ко второму способу. Сняв на аршин снег во всю ширину оврага, я плотно утрамбовал ниже-лежащий слой, отчего бывшая внизу вода проникла в него и образовала нечто в роде ледяной коры; затем выбранный снег был снова положен и также точно утрамбован. Таким образом был устроен снежный мост в 2 саж. шириной и до 7 саж. длиной. На другой день утром через него совершенно благополучно перешла артиллерия и обоз.

2-го апреля погода не изменилась, и весна вступила в свои права. Там где в обычное время бывает крайний недостаток воды, нам приходилось страдать от изобилия ее. Почти до самого Усть-Урта отряд наш шел буквально утопая в липкой и глубокой грязи, образовавшейся в глинистой и солончаковой почве, ежеминутно встречая бурные ручейки и ручьи, стекавшие с отрогов [60] Мугоджарских гор, не только замедлявшие движение, но зачастую и совершенно останавливавшие войска. С этого дня на меня была возложена обязанность отыскивать места для переправы в брод и заведывать самыми переправами.

Встретившийся нам 2-го апреля овраг отличался таким же характером как и предшествовавший, но имел около 8 саж. ширины. Когда я вздумал переехать через него верхом, то лошадь несколько раз проваливалась по брюхо, и ее с большими усилиями приходилось вытаскивать.

В этом месте переход с обозом через овраг без предварительной расчистки был совершенно невозможен, поэтому я со взводом казаков отправился отыскивать более удобное место для переправы, которое и было найдено в 2 — 3 верстах ниже.

В выбранном месте вода бежала уже поверх снега; ширина ручья доходила до 8 саж., при глубине воды около 2 1/2 фут.; дно было ровно только на ширине 2 саж., а вправо и влево начинались ямы и ухабы. Последнее обстоятельство заставило меня, для предупреждения несчастных случаев, обозначить ровное место казачьими пиками.

Артиллерия, колесный обоз, а также и пехота, перевезенная отчасти на казачьих лошадях, переправились благополучно; но не то было с верблюдами: начиналось с того, что верблюдовожатый, сидя на верблюде, не мог заставить животное войти в воду; вообще весьма послушное животное, верблюд, в данном случае кричал, поворачивал назад и показывал явное нежелание идти через воду; лаучу приходилось слезать, и взяв первого верблюда за веревочку, самому вести их²⁴; верблюд, [61] войдя в воду скользил и зачастую падал; одно упавшее животное обуславливало падение и своих соседей, вследствие чего переправа мгновенно останавливалась. Нельзя было без сострадания смотреть, как бедное животное барахталось в воде, силясь подняться и не будучи в состоянии этого сделать вследствие 17-ти пудового груза, лежавшего на нем. Для предотвращения этого были приняты следующие меры: каждый верблюд переводился отдельно ехавшим впереди его казаком; для поддержания животного, когда оно начинало падать, по обеим сторонам брода были выставлены шпалерами казаки; на случай, если бы и эта мера не помогла, то чтобы поскорее освободить упавшее в воду животное от вьюка и не дать последнему подмокнуть, вытащив его из воды, на обоих берегах находились пехотные команды. Благодаря этим мерам, переправа пошла почти безостановочно; однако до этого одна из частей понесла чувствительную потерю, так как у ней было подмочено несколько пудов сахара.

Так как переправа значительно задержала движение, то отряд, отойдя версты три от места брода, остановился бивуаком, пройдя всего в этот день около 15 верст. Впрочем, приняв во внимание обстановку движения, когда пехота должна была идти по колена в воде и грязи, и этот переход был очень тяжел.

3-го апреля мне приказано было отправиться раньше отряда и осмотреть находившийся верстах в 15 от места бивуака овраг, через который по словам посланных накануне джигитов был найден ими брод. Хотя снег продолжал быстро таять, но в этот день грязи было относительно меньше, так как приходилось проходить по отрогам Мугоджарских гор, и местами попадалась песчаная и даже щебеночная почва. Верстах в двух от оврага дорогу перерезывал, почти в перпендикулярном направлении, довольно значительной высоты холм. Подъехав к оврагу, я пришел к заключению, что киргизы [62] были не особенно ретивы в своих поисках, так как указали мне на место, находившееся вблизи дороги и не отличавшееся удобством для переправы: лошадь поехавшего киргиза плыла, а следовательно нельзя было и думать о переправе в брод. Пришлось искать более удобного места обращаясь к помощи тех же киргизов-джигитов. Что касается до бывших при мне казаков, то после неудачи, случившейся с одним из них, другие не решались пытаться счастья в отыскании брода. Этот казак, повинаясь моим увещаниям, решился переехать ручей; но на середине пути его лошадь, завязнув в

бывшем под водой снегу и усиливаясь освободиться, сбросила с себя седока. Последний, при дружном взрыве хохота стоявших на берегу казаков, должен был вместе с лошадыю, вплавь, выбраться на противоположный берег. Здесь он, не смотря ни на какие советы, объявил, что не хочет погубить свою душу, рискуя утонуть при переправе, и решается переночевать на другом берегу. Киргизы оказались деятельнее, и действительно, не мало приходилось удивляться, видя как эти вообще крайне ленивые и апатичные люди теперь усиленно работали. Чтобы не стесняться седлом и платьем, они сбрасывали и то, и другое, и оставшись в одной рубахе, садились на лошадь и переезжали ручей. Благодаря таким помощникам, часа через два брод был найден. Ручей, вообще разлившийся на несколько десятков сажень, в выбранном месте образовал островок; рукава, образующие его, имели до 5 саж. ширины, при глубине до 4 фут. Собственно говоря, при существующей глубине и здесь невозможно было переходить в брод, особенно вследствие того, что посредине рукавов на протяжении 1 1/2 — 2 арш. находились выбоины; однако можно было надеяться, что рано утром, когда вода значительно спадет, переход в брод в этом месте будет возможен.

Когда о результате осмотра было доложено начальнику [63] отряда, то он решил остановить отряд на вершина холма, мне же приказал сделать рекогносцировку далее до горы Намаз-тау, находившейся верстах в 10 от ручья; — нужно было поверить показания вожakov, заявлявших, что по дороге до этой горы находятся еще два таких же оврага. Произведя рекогносцировку, я оврагов не встретил, но пришел к убеждению о невозможности следовать от Намаз-тау по пути, по которому шел авангард. Этот последний от Намаз-тау пошел на Али-тау, пройдя беспрепятственно по снегу расстояние между этими горами; теперь же в версте от Намаз-тау, отделяя ее от Али-тау, протекала бурная речка Джаинда, шириной до 20 саж. Громадные оледенелые массы снега с шумом и ревом неслись по ней и уничтожали всякую возможность переправы через нее в брод. Замечательно, что по словам генерала Веревкина, бывавшего несколько раз в этих местах летом и осенью, он даже и не подозревал о существовании здесь речки, так как летом она совершенно высыхает.

4-го апреля, в четвертом часу утра, отряд тронулся с бивуака, с целью начать переправу; за час до движения его выступила саперная команда, которая сделала спуски в выбоинах, очистила дно ручья от снега и вообще приспособила выбранное место к удобству переправы в брод. За ночь вода в ложбинах значительно спала: в самом глубоком месте было не более 3 фут глубины. Однако нужно было стараться окончить переправу возможно скорее, так как с приближением к полудню вода должна была значительно прибывать. Между тем переправа колесного обоза и артиллерии оказалась весьма затруднительною: хотя правый берег был покрыт песком и гравием, но островок и левый берег были глинисты, и от избыточного орошения на них образовалась страшная грязь; колеса лафетов, и особенно зарядных ящиков, уходили в нее по самую ступицу, и лошади не были в [64] состоянии вытащить их. Только усилием 20 — 30 линейцев достигали успеха и давали возможность артиллерии следовать дальше. Любо было смотреть на этих молодцов, которые, сами утопая в грязи, окружив со всех сторон орудие и взявшись кто за колеса, кто за постромки, с дружным криком выручали "матушку-пушку", не думая о том, что вслед за этим им усталым и измученным предстоит еще впереди страшно тяжелый переход.

Не менее необходимо было содействие пехоты и для верблюдов. Не смотря на вышеописанные меры, верблюды все-таки падали в воде, задерживая переправу, что заставляло опасаться, что с наступлением жары поднявшийся уровень воды не позволит в этот день окончить переправу. Это обстоятельство, а также и то, что

подмоченные сухари, крупа, чай, сахар и другие продукты, испортившись от сырости, могли поставить отряд в критическое положение, побудило солдат почти на самопожертвование: не щадя себя, они становились шеренгами в воду и на руках переправляли верблюда, который при каждом неверном движении получал надежную поддержку²⁵.

В соседних местах между тем были найдены еще два брода, и переправа пошла быстрее; однако последним верблюдам пришлось труднее, так как вода начала прибывать еще до окончания переправы.

Затруднительность переправы и страшно тяжелый переход по грязи в глинистой и солончаковой почве, когда пехоте приходилось вытаскивать артиллерию и колесный обоз не только на переправе, но и на всем протяжении перехода, обусловили необходимость уменьшить [65] предполагаемый переход, ограничив его 12 — 13 верстами. Отряд, пройдя мимо горы Намаз-тау, остановился бивуаком близ речки Джаинды. Не смотря на такое небольшое расстояние, только поздно вечером стянулись верблюды, причем около 15 животных пришлось оставить на произвол судьбы, так как они отказывались идти даже тогда, когда их освободили от всякого груза. В этот день Джаинда бушевала менее, но переправа через нее все-таки была невозможна, вследствие чего начальник отряда решил не идти на Али-тау, а обойдя Джаинду, выйти прямо на бывшее Чушкакульское укрепление.

5-го апреля, исполняя предположенное движение, сделан был небольшой переход верст в 15, причем во время движения пришлось переходить в брод четыре лощины, наполненные водой и находившиеся в расстоянии версты одна от другой. Особенно был труден переход через первую, направлявшуюся к Джаинде. Этот переход в конец измучил и людей, и лошадей, так что не смотря на желание сделать дневку в первый день Светлого Воскресенья, пришлось назначить ее на 6-е апреля.

7-го апреля движение продолжалось прежним порядком, хотя грязь была несколько меньше, что давало возможность увеличивать переходы. Так, в этот день совершен был переход в 25 верст.

8-го апреля, не смотря на то, что это был первый день праздника Пасхи, был совершен переход в 30 верст. Главная причина, заставлявшая генерала Веревкина так торопиться, было желание оказать посильную помощь туркестанскому отряду. Принимая в расчет время выступления туркестанских войск, он не мог надеяться на то, что оренбургский отряд может поспеть во-время, чтобы совместно с туркестанскими войсками овладеть ханством; имея это в виду, он спешил только поскорее добраться до урочища Касармы, лежащего вблизи неприятельских пределов, чтобы, достигнув его в то время, [66] когда, по его мнению, генерал Кауфман будет устраивать переправу через Аму-Дарью, оттянуть на себя часть неприятельских войск и этим облегчить как переправу, так и занятие столицы ханства. Такие мысли были им неоднократно высказываемы в частном разговоре.

Вследствие перехода, совершенного в первый день Светлого праздника, нам некогда было делать друг другу визиты; но благодаря деятельному участию начальника кавалерии, полковника Леонтьева, праздник был встречен по христианскому обычаю с заутреней и разговеньем. Чтобы дать возможность людям выспаться, заутреня была совершена в 9 часов вечера. Простой стол служил аналогом, а разложенные костры и звезды заменяли принятое освещение свечами. Оригинальную картину представляли эти группы воинов, заброшенных в неприветливую и печальную пустыню, за тысячу

верст от своего родного уголка и собравшихся в данную минуту, чтобы вместе встретить наступающий праздник. Вспыхивавшее неровное пламя костров придавало фантастический колорит всей картине, и освещая бородатые физиономии казаков, придавало им угрюмый вид. Кто знает, сколько самых теплых молитв вылетало из уст этих суровых на взгляд людей, которым впереди предстояло еще столько испытаний!...

9-го апреля, хотя местами было грязно, но значительно меньше прежнего. В этот день отряд прошел мимо Чушкакульского озера и находящихся вблизи его развалин бывшего Чушкакульского укрепления, построенного отрядом графа Перовского²⁶. В нескольких верстах от [67] озера находятся Чушкакульские горы, идущая почти параллельно озеру. Горы эти не отличаются особенною величиной; скаты их частью покрыты скудною растительностью, частью же представляются в виде обрывов.

10-го апреля отряд перешел через речку Чеган и поднялся на Усть-Урт. В месте, выбранном для переправы в брод, речка была саж. в 5 шириной и около 2 фут. глубиной; между тем 3 — 4 дня тому назад, когда через нее переходил авангард, она имела более 10 саж. ширины и до 6 фут. глубины, так что авангард должен был устроить мост, по которому перешли люди и были перенесены верблюды вьюки; верблюдов же переправили вплавь. Место переправы в брод главных сил было саж. на 200 ниже места где переходил авангард; дно реки здесь было твердое, из смеси песка и гравия. Правый берег реки был каменистый (состоял из плит известняка); левый же, будучи песчаным около воды, несколько саженой отойдя от нее, обращался в глинистый обрыв, саж. в 2 высотой. Для удобства движения отряда пришлось на обоих берегах делать спуски. Замечательно, что на левом берегу реки находились трясины, сверху покрытая песком и по виду ничем не отличавшиеся от твердого грунта. Изследуя брод, я попал вместе с лошадыю в одно из таких мест и едва мог освободиться из него. Начало подъема на Усть-Урт находилось верстах в 6 от места переправы; дорога шла по солончакам; хотя последние не были особенно топкие, но вблизи их находились настоящие солончаковые топи, в которые раз попав, рискуешь из них вовсе не выбраться.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Г. Потто в своих лекциях "о степных походах" говорит, что отряд Бековича имел вьючных животных в размере одного верблюда на 2 нижних чинов, что составит на весь отряд около 1.800 этих животных. Не знаю, откуда почерпнуты им эти сведения. Приводимые мною цифры взяты из сочинения г. Голосова "Поход в Хиву в 1817 году". Кроме 200 верблюдов и 300 арб, в отряде Бековича имелись вьючные лошади, по одной на 2 кавалеристов; в отряде же Перовского, помимо верблюдов, имелось еще 7.600 троечных подвод.

2. Зачинщики киргизского восстания, спасаясь от кары правосудия, находили радушный прием, в Хиве, где служили агентами для распространения прокламаций между нашими киргизами. Так, в 1869 году, туда прибыли мятежные киргизы: Кутебаров, Ась-Бергенъ и есаул русской службы, хан Галий-Ярусланов; последний даже был возведен Хивинским ханом в звание Киргизского хана.

3. Арало-Каспийская впадина называется иначе Татарией, Туркестаном, Великою Бухарией, у персиян Тураном, а в средние века Джагатаем.

4. Оренбургско-кавказского и туркестанского.

5. "Всего войска, говорит этот путешественник, в распоряжении хана до 20.000 чел., но в случае надобности это число может быть удвоено".

6. Это несогласно с мнением г. Венюкова, полагавшим правый берег выше левого, "по самому свойству берегов, из которых правый выше левого", говорит он и т. п.

7. Вообще к показываемой г. Данилевским ширине каналов следует прибавить по несколько сажень. Ширина встречавшихся нам больших каналов колеблется между 15 — 25 саженьями; только Полван-ата имеет около Хивы незначительную ширину, едва достигающую 2 саж.

8. Вот слова, приводимые им: "С точки зрения тактики они представляют довольно важные препятствия, в стратегическом же смысле еще важнее, ибо стоит только овладеть их истоками и запереть воду, чтобы вынудить немедленную покорность всех городов и селений, пользующихся из них водою".

9. Стены Рима и других крепостей римской постройки имели от 3 до 4 саж. высоты и около 1 сажени толщины. Стены Вавилона были в 70 фут. толщины, Ниневии в 30, Пиреи и Византии в 20 фут.

10. Считаю долгом заявить, что только состав оренбургского отряда известен мне по официальным документам; что касается остальных отрядов, то состав их взят мною из корреспонденций, помещавшихся на страницах Русского Инвалида, а потому за верности приводимых цифр я не ручаюсь.

11. При обсуждении плана действий не было известно, что Айбурфир высох, а потому в нем было обозначено движение на Куня-Ургенч.

12. Г. Лобысевич, в своей статье "Взятие Хивы", помещенной в Вестнике Европы, показывает другой состав мангышлакского отряда — в 16 рот пехоты и 8 орудий. Вероятно это разноречие произошло от того, что г. Лобысевич, при составлении статьи, руководствовался только общим планом действий, где число войск было показано приблизительно.

13. Расход частей войск при этом был следующий: от оренбургского отряда: в Эмбенском посту оставлена сотня для конвоирования транспортов до урочища Исен-Чагыла; в Исен-Чагыле также была оставлена сотня, конвоировавшая транспорт до мыса Урги; в укреплении на Урге были оставлена 1 рота, 1 сотня и 2 ракетных станка. От мангышлакского отряда: в урочище Биш-акты были оставлены 2 роты и 1 сотня; в Иль-теидже 1 рота и 2 полевых орудия. От казалинского отряда в урочище Иркибай были оставлены 2 роты и 2 горных орудия. От туркестанского отряда в урочище Хал-ата 1 рота — 1/2 сотни казаков и 2 облегченных пушки.

14. Числовые данные, помещенные в этой, а также в следующих главах, заимствованы мною из дел "О Хивинской экспедиции 1873 года", находившихся в штабе оренбургского экспедиционного отряда. Более подробное изложение их находится в статье г. Лобысевича "Взятие Хивы", помещенной в Вестнике Европы за 1873 год. Не будучи участником экспедиции, г. Лобысевич главным образом руководствовался вышеупомянутыми официальными документами.

15. Старшими адъютантами штаба были назначены: генерального штаба капитан Иванов и Уральского войска эсаул Сладков. Заведывание артиллерийскою частью отряда было поручено полковнику Константиновичу; заведывание инженерною частью отряда — капитану Красовскому; помощником к нему был назначен подпоручик Саранцов; начальником кавалерии — полковник Леонтьев; заведывающим интендантскою частью — капитан Эсмонтов. При начальнике отряда состояли: подполковник Соколов, майор Ладыженский, поручик граф Шувалов, ротмистр Мореншильд и штабс-капитан Геринг. Кроме того, для поручений по интендантской части при нем же находились: майор Навроцкий и капитан Лукин.

16. Пехота была вооружена игольчатыми ружьями системы Карле, вопреки заявлению корреспондента "Русского Инвалида", Г. В., утверждавшего, что солдаты имеют ружья системы Крика (см. № Р. И.), во всем отряде не было ни одного ружья этой системы.

17. За исключением припасов Общества попечения о больных и раненных, которые везлись на счет Общества.

18. Кроме этих войск, при отряде находилось сто киргизских всадников-джигитов с самым разнообразным вооружением. Все они были выставлены киргизскими общинами, снабдившими каждого из них 2 лошадьми и деньгами на продовольствие. Эти джигиты имели своего начальника, которому подчинялись начальники полусотень и десятков. Во время движения по степи они приносили большую пользу. По вступлении же в хивинские пределы джигиты никак не могли освоиться с мыслью, что находясь в неприятельской стране, нельзя грабить, а потому, после нескольких беспорядков, большая часть их была отпущена по домам. Кроме джигитов при отряде находились жожаки и чабары. Первые, отлично зная местность, служили проводниками, вторые же возили корреспонденцию.

19. Для того чтобы контрагент не мог поставить слабосильных и молодых верблюдов, была составлена особая комиссия из нескольких штаб и обер-офицеров, принимавшая только тех верблюдов, которые в состоянии были поднять груз в 17 пудов.

20. Чтобы сберечь казачьих лошадей, которые вообще были крайне изнурены, дальше разъезды высылались из джигитов, которые все были о двуконь. Когда отряд двинулся с Исен-Чагила и авангарда не было, то разъезды высылались от первого эшелона.

21. Собственно до мыса Урга приходилось высылать разъезды в одну сторону так как отряд шел почти над краем Чинка.

22. Во все время похода верблюдовожатые, также как и джигиты, должны были кормиться на свой счет; едва-ли это было рационально, так как вследствие этого они страшно бедствовали. Некоторые из них, кто побогаче, имели с собой запас крупы и муки, но к массе вполне можно применить слова: "ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы". Зачастую приходилось видеть, как около околевшего верблюда толпилась масса лаучей, отрезывавших от трупа кто что может, чтобы потом из этого сделать себе обед. Мудрено ли, что под давлением крайней нужды они делали иногда похищение из перевозимой ими провизии. Жалостливые солдатики часто делились с ними своим пайком и смотрели сквозь пальцы на опустошения, производимые ими в кулях с сухарями.

23. Первое время наблюдение за обозом было возложено на дежурного по отряду; однакоже опыт показал неудобство такого порядка и потому до вступления в район

действий хивинских войск, заведывание обозом на время движения отряда поручалось назначаемым, по очереди офицерам, из числа состоявших при генерале Веревкине; в помощь к ним назначались урядник и 2 казака; эти же офицеры назначались и для проверки правильности отправления аванпостной службы.

24. Верблюды двигались нитками по 7 — 8 штук в каждой; на первом обыкновенно сидел лауч (верблюдовожатый), управлявший помощью веревки, привязанной к палочке, продетой в ноздри животного; позади идущий верблюд привязывался помощью этой веревочки к седлу предыдущего и т. д.

25. Само собою разумеется, что подобная мера была принята не по приказанию начальника отряда, а по инициативе самих нижних чинов, которые, сознавая, что с потерей провианта может наступить и собственная гибель в бесплодной пустыне, дружно принимались помогать своим друзьям-верблюдам.

26. Лично я не видел этого укрепления, так как в этот день, вместе с другими офицерами, поехал несколько в сторону, чтобы посмотреть на туземную диковинку — камень, на котором видны следы ноги человека и лап верблюда и верблюжонка. Этот камень находится на одной из вершин Чушкакульских гор; возвышаясь фут. на 9 над горизонтом, он имеет вид неправильной усеченной пирамиды, площадь верхнего основания которой доходит до квадратной сажени; на нем довольно ясно видны эти следы, находящиеся один вблизи другого.

Текст воспроизведен по изданию: Хивинская экспедиция 1873 г. Записки очевидца, сапера Е. Саранчова. СПб. 1874